

Один
из самых
популярных
детективных
сериалов
в мире

Красношейка Ю Несбё

ЗЛО ПРИХОДИТ ИЗ ПРОШЛОГО

Annotation

Норвежскими неонацистскими группировками железной рукой управляет некто, скрывающийся под именем Принц. Инспектор полиции Харри Холе заподозрил, что Принц связан с силовыми структурами, и эта догадка стоила жизни его напарнице.

Между сегодняшними скинхедами и теми, кто полвека назад воевал в дивизиях Гитлера, обнаруживается и другая связь. Мстительный призрак явился из прошлого, и мирный Осло потрясут кровавые расправы, но это лишь начало. Настоящий теракт намечен на день Конституции...

Ю Несбё

Красношейка

Но мало-помалу она набралась храбрости, подлетела прямо к страдальцу и вырвала клювом один из шипов, вонзившихся в его чело. В это время на ее шейку упала капля крови распятого. Она быстро растеклась и окрасила собой все нежные перышки на шейке и грудке птички. Распятый открыл глаза и шепнул Красношейке: «В награду за свое милосердие ты получила то, о чем мечтало твое племя с самого дня сотворения мира».

Сельма Лагерлёф, «Легенды о Христе»

Часть первая
Из праха

Эпизод 1

Переезд возле моста Алнабрю, 1 ноября 1999 года

Серая птичка то пропадала, то вновь появлялась в поле зрения Харри. Он барабанил пальцами по рулю. Как медленно тянется время. Вчера кто-то по телевизору рассказывал, как медленно может тянуться время. Сейчас оно как раз такое. Словно в новогоднюю ночь перед тем, как пробьет двенадцать. Или на электрическом стуле — перед тем, как повернется рубильник.

Он забарабанил сильнее.

Их машина стояла на открытой площадке за билетной кассой на переезде. Эллен сделала автомагнитола чуть громче. В голосе репортера слышалась благоговейная торжественность:

— Самолет приземлился пятьдесят минут назад, и ровно в шесть часов тридцать восемь минут президент ступил на норвежскую землю. Его приветствовал председатель коммуны Евнакер. Здесь, в Осло, прекрасная осенняя погода, замечательный норвежский фон для этих переговоров. Давайте еще раз послушаем, что сказал президент журналистам полчаса назад.

Это повторяли уже в третий раз. Харри снова представил себе вопящую толпу журналистов, лезущих за ограждение. А по другую сторону ограждения — людей в сером, которые не давали себе особого труда скрывать, что они секретные агенты, лишь пожимая плечами в ответ на вопросы. Эти сканируют взглядом толпу, в десятый раз проверяют, держится ли в ухе динамик, — снова оглядывают толпу — поправляют черные очки — сканируют толпу — на пару секунд задерживаются взглядом на фотографии со слишком длинным объективом камеры — продолжают сканировать — в сотый раз проверяют динамик в ухе... Кто-то произносит приветствие по-английски, тишина, потрескивает микрофон.

— *First let me say I'm delighted to be here...* ^[1] — в четвертый раз сказал президент с явственным хриловатым американским выговором.

— Я читала, один известный американский психолог выявил у президента раздвоение личности, — сказала Эллен.

— Раздвоение личности?

— Раздвоение личности. Как в истории про доктора Джекилла и мистера Хайда. Этот психолог пишет, что обычная сущность президента ничего не подозревала о том, что вторая его сущность, похотливое животное, вступала в половые отношения со всеми этими женщинами. И поэтому Верховный суд не может судить его за то, что он лгал об этом под присягой.

— Кошмар, — отозвался Харри, бросив взгляд на пролетающий над ними вертолет.

По радио кто-то спрашивал по-английски с норвежским акцентом:

— Господин президент, это ваш первый визит в Норвегию за второй президентский срок. Что вы чувствуете?

Пауза.

— Очень приятно побывать здесь снова. Но я считаю гораздо более важным то, что здесь могут встретиться глава государства Израиль и лидер палестинского народа. Это ключ к...

— Запомнился ли вам первый визит сюда, господин президент?

— Конечно. Я надеюсь, что на сегодняшних переговорах мы сможем...

— Каково значение Осло и Норвегии для дела мира во всем мире, господин президент?

— Норвегия сыграла важную роль.

Голос без норвежского акцента:

— Господин президент, вы считаете, что реально добиться конкретных результатов?

Здесь запись прерывалась, дальше продолжал голос из студии:

— Итак, вы слышали. Президент считает, что Норвегия играет решающую роль для... э-э-э... достижения мира на Ближнем Востоке. В данный момент президент направляется в...

Харри тяжело вздохнул и выключил радио.

— Что происходит со страной, Эллен?

Девушка пожала плечами.

«Проходят пункт двадцать семь», — послышалось из радиации на приборной панели.

Он посмотрел на Эллен:

— На постах все в порядке?

Она кивнула.

— Значит, все, как и раньше, — сказал он.

Она подняла глаза к небу. Он сказал это уже раз пятьдесят с тех пор, как кортеж выехал из Гардермуена. Оттуда, где стояла их машина, было видно пустое шоссе, тянущееся от переезда к северу, на Трустерюд и Фурусет. Сигнальная лампочка на крыше лениво вращалась. Харри опустил стекло и протянул руку, чтобы смахнуть блекло-желтый лист, попавший под стеклоочиститель.

— Смотри, красношейка, — сказала Эллен и показала куда-то. — Редкая птичка для поздней осени.

— Где?

— Там. На крыше кассы.

Харри высунулся в переднее окно:

— Да? Значит, это красношейка?

— Ну да, красношейка, или малиновка. Хотя, думаю, ты не отличил бы ее от снегиря, верно?

— Верно. — Харри заслонила глаза от солнца. Зрение, что ли, падает?

— Красношейка — редкая птица, — сказала Эллен, завинчивая пробку термоса.

— Не сомневаюсь, — сказал Харри.

— Девяносто процентов улетают на юг, но есть такие, которые рискуют остаться.

— Вроде *этой*?

Снова голос по радиации:

«Центр, я шестьдесят второй. Неизвестный автомобиль стоит у дороги в ста метрах от поворота на Лёренскуг».

Ответ Центра — низкий голос, картавый бергенский выговор:

— Подождите, шестьдесят второй. Проверяем.

Тишина.

— А туалеты вы проверили? — спросил Харри, кивая на автозаправку «ESSO».

— Да. На заправке никого нет, даже персонала. Только начальник. Его мы заперли в конторе.

— Билетные кассы тоже?

— Проверили. Успокойся, Харри, все ключевые пункты в порядке. Ну так вот, те,

которые остаются, надеются на теплую зиму, понимаешь? Иногда все обходится благополучно, но если они ошибутся — они погибнут. Так почему бы не улететь на юг, на всякий случай, наверное, думаешь ты. Может, им просто лень улетать?

В зеркале Харри видел охранников с обеих сторон железнодорожного моста. В черном, при шлемах и автоматах «МП-5» на груди. Даже отсюда в их жестах была заметна напряженность.

— Штука в том, что если зима будет теплой, они успеют выбрать лучшее место для гнезда прежде, чем другие вернутся домой, — рассказывала Эллен, пытаясь запихнуть термос в и без того битком набитую сумку. — Осознанный риск, понимаешь? Проиграл вчистую или взял джек-пот. Ты сам решаешь. Рисковать или нет. Рискнешь — и можешь однажды ночью окоченеть на ветке, свалиться на землю и не оттаять до весны. А побоишься — и останешься без квартиры, когда вернешься. Такие же вечные дилеммы, с которыми мы то и дело сталкиваемся.

— Ты надела бронежилет?

Эллен не ответила. Она посмотрела на шоссе и тихо покачала головой.

— Да или нет?

Вместо ответа она постучала костяшками пальцев по груди.

— Облегченный, что ли?

Она кивнула.

— Черт побери, Эллен! Я приказал надеть бронежилеты, а не майки с Микки-Маусом!

— Ты знаешь, что здесь носят секретные агенты?

— Дай угадаю. Облегченные бронежилеты?

— Точно.

— А ты знаешь, кто я такой?

— Дай угадаю. Секретный агент?

— Точно.

Она рассмеялась. Он тоже усмехнулся. Снова затрещала рация:

«Шестьдесят второй, я Центр. Служба безопасности говорит, что это их автомобиль стоит у поворота на Лёренскуг».

«Я шестьдесят второй. Вас понял».

— Вот видишь, — сказал Харри и с досадой хлопнул по рулю. — Никакой слаженности. Действуют кто во что горазд. Почему там торчит их машина, а мы об этом не знаем? А?

— Проверяют, как мы работаем, — сказала Эллен.

— Так, как *они* нас проинструктировали.

— От тебя все равно мало что зависит. Так что перестань жаловаться, — сказала она, — и перестань барабанить по рулю.

Пальцы Харри послушно сжались в кулак. Он тяжело вздохнул:

— Да, да, да...

Он проверил, на месте ли табельный револьвер, шестизарядный «смит-вессон» 38-го калибра. На поясе еще две запасные обоймы, по шесть патронов в каждой. Он похлопал по револьверу и вспомнил, что у него истекает лицензия на ношение оружия. Пожалуй, зрение правда портится, ведь зимой после окончания курсов он не сдал зачет по стрельбе. В общем-то, ничего особенного, но с ним такое впервые, и это крайне неприятно. Конечно, ему проще взять и пересдать, а некоторые сдавали стрельбу по четыре, пять раз, но Харри под тем или иным предлогом с этим тянул.

Снова треск в рации: «Пункт двадцать восемь пройден».

— Это был предпоследний пункт в округе Румерике, — сказал Харри. — Следующий пункт будет Карихёуген, а дальше — наши.

— Почему бы им не делать как раньше: просто говорить, где находится кортеж? Кто только придумал эти дурацкие номера? — недовольно протянула Эллен.

— Угадай.

— Секретные агенты! — ответили оба хором и рассмеялись.

«Пункт двадцать девять пройден».

Харри взглянул на часы:

— Итак, они будут здесь через три минуты. Я настраиваю рацию на полицейский округ Осло. Проверь все еще раз.

Рация засвистела, заверещала, но Эллен закрыла глаза и сосредоточенно вслушивалась в череду поступающих подтверждений. Потом сняла наушники.

— Все на месте, все работает.

— Спасибо. Надень шлем.

— Да? Ты думаешь, нужно?

— Ты слышала, что я сказал?!

— Сам надень свой шлем!

— Он слишком маленький.

Другой голос: «Пункт один пройден».

— Черт, иногда ты ведешь себя как полный... непрофессионал. — Эллен надела шлем, застегнула ремень под подбородком и посмотрела в зеркало.

— Да, я тоже тебя люблю, — ответил Харри, рассматривая дорогу в бинокль. — Я их вижу.

На вершине холма что-то сверкнуло. Харри увидел только первый автомобиль в колонне, но он знал состав кортежа: шесть мотоциклов со специально обученными полицейскими из норвежского эскортного отделения, два норвежских автомобиля эскорта, автомобиль норвежской службы безопасности, два автомобиля американской службы безопасности типа «кадиллак», в одном из которых президент. В каком — никто не знает. Или, может, он сидит в обоих, думал Харри. Один для Джекилла, другой для Хайда. А за ними — автомобили побольше: «скорая помощь», «Связь» и несколько автомобилей секретной службы.

— Порядок. — Харри медленно водил биноклем из стороны в сторону. Воздух над асфальтом дрожал даже в это прохладное ноябрьское утро.

Эллен уже различала очертания первого автомобиля. Через полминуты они уже будут на переезде, и работа будет наполовину сделана, а когда эти же автомобили через два дня проедут переезд в обратном направлении, они с Харри смогут вернуться к своей обычной полицейской работе. Она предпочитала иметь дело с трупами в отделе убийств, а не вставать в три часа ночи и сидеть в холодном «вольво» вместе с раздраженным Харри, которого явно тяготила возложенная на него ответственность.

В машине тихо, если не считать сопения Харри. Эллен проверила, горят ли индикаторы раций. Колонна приближалась к подножию холма. Эллен решила, что после работы пойдет в «Жажду» и напьется. Она там заметила парня — черные локоны, карие глаза и взгляд такой... опасный. Худошав. Интеллектуал, богема. Возможно...

— Какого чер...

Харри уже схватил микрофон:

— Человек в третьем слева окне билетной кассы. Кто-нибудь может сказать, кто он?

В ответ — только потрескивающее молчание рации. Эллен скользила взглядом вдоль ряда билетных касс. Вот он! Она увидела мужскую спину сквозь темное стекло окошка кассира — всего в сорока-пятидесяти метрах от них. Против света четко прорисовывался его профиль. Над плечом выдавался ствол с прицелом.

— Оружие! — закричала Эллен. — У него пулемет!

— Черт! — Харри ногой открыл дверь и, оттолкнувшись обеими руками, выпрыгнул из машины. Эллен смотрела в бинокль на автоколонну. Оставалось всего несколько сот метров. Харри снова заглянул в машину, в руках у него уже был револьвер.

— Это не может быть кто-то из наших. Но, возможно, он из секретной службы, — сказал он. — Свяжись с Центром.

— Харри...

— Я сказал! Посигналишь мне, если это кто-то из их ребят.

Харри кинулся к билетной кассе, к этой спине в плаще. Кажется, у него автомат «узи». Сырой утренний воздух огнем обжигал легкие.

— Полиция! — кричал Харри. — Police!

Никакой реакции. Толстые стекла хорошо защищают помещение от уличного шума. Теперь незнакомец повернул голову в сторону кортежа, и Харри увидел темные очки «Рэй Бэн». Секретная служба. Или тот, кто хочет выглядеть как агент секретной службы.

Оставалось двадцать метров.

Как он попал внутрь, в запертую кассу, если он не секретный агент? Черт! Харри уже слышал приближение мотоциклов. Бежать дальше или не бежать?

Он снял пистолет с предохранителя и стал прицеливаться, все еще надеясь, что автомобильный гудок разрежет тишину этого чудесного утра на одинокой дороге, в этом месте, от которого Харри хотелось бы быть как можно дальше. Инструкция была ясна, но он не мог отогнать от себя мысли:

«Облегченный бронезилет. Никакой слаженности. Стреляй, это не твоя вина. А может, у него есть семья?»

Кортеж быстро приближался, он был уже перед билетной кассой. Через две секунды «кадиллаки» поравняются с ней. Краем левого глаза он заметил движение: маленькая птичка взлетела с крыши.

«Делать ставку или не делать... вечные дилеммы».

Он подумал про низкий вырез бронезилета и прицелился на полдюйма ниже. Все утонуло в реве мотоциклов.

Эпизод 2

Осло, вторник, 5 октября 1999 года

— Да, это так. Это и есть великое предательство, — сказал гладко выбритый мужчина и посмотрел в рукопись. Голова, брови, мускулистые предплечья и даже могучие руки, вцепившиеся в трибуну, — все было чисто выбрито. — После тысяча девятьсот сорок пятого власть перешла в руки врагов национал-социализма. Они развивали и внедряли в жизнь свои демократические и экономические принципы. В результате ни дня на земле не проходит без кровопролития. Даже здесь, в Европе, мы пережили войну и геноцид. А в странах третьего мира голодают и умирают миллионы, и Европе грозит массовая иммиграция, а значит, хаос, нужда и борьба за выживание.

Он замолчал и обвел взглядом аудиторию. В помещении было совершенно тихо. Только кто-то на скамье позади осторожно похлопал. Когда мужчина продолжил свою пламенную речь, под микрофоном замигала красная лампочка — это означало: звуки записываются на магнитофон с искажением.

— Уже не за горами счастливая беззаботная жизнь и тот день, когда мы сможем гордиться собой и нашим обществом. Война, экономическая или экологическая катастрофа — и вся эта система законов и правил, которые превращали самых отважных в простых потребителей, немедленно рухнет. Однажды великое предательство уже случилось девятого апреля сорокового года, когда наши так называемые лидеры нации сбежали от врагов, чтобы спасти свою шкуру. И прихватили с собой золотой запас, чтобы обеспечить себе жизнь в лондонских люксах. Теперь враг снова здесь. И те, кто должен защищать наши интересы, снова предают нас. Они разрешают врагам строить мечети посреди наших городов, они разрешают им грабить наших стариков и смешивать свою грязную кровь с нашей. И наш долг как норвежцев — защитить свою расу и уничтожить предателей.

Он перевернул страницу, но в президиуме кашлянули, он остановился и поднял глаза.

— Спасибо, думаю, мы услышали достаточно, — сказал судья и посмотрел поверх очков. — Есть ли у обвинения вопросы к подсудимому?

Косые солнечные лучи, проникая в зал 17-го городского суда Осло, создавали над бритой головой иллюзию нимба. На подсудимом была белая рубашка и узкий галстук, который ему, судя по всему, посоветовал надеть его адвокат, Юхан Крон, что сидел сейчас откинувшись назад и нервно вертел в пальцах ручку. Крону все это очень не нравилось. Ему не нравилось направление, в каком стали задаваться каверзные вопросы обвинения, не нравилось, как откровенно его подзащитный Сверре Ульсен говорил о своей программе, и то, что Ульсен посчитал нужным закатать рукава рубашки и теперь члены суда могли видеть татуировку в виде паутины на обоих его локтях и несколько свастика вокруг левого предплечья. На правом было вытатуировано переплетение древнескандинавских символов и слово «ВАЛЬКИРИЯ» — черными готическими буквами. Так называлась одна из неонацистских банд, орудовавших поблизости от Сетеркрюсса в Нурстранне.

Но больше всего Юхана Крона раздражало то, что за всем этим чувствовался какой-то подвох, он только не понимал какой.

Обвинитель, невысокий человек по имени Герман Грот, мизинцем пододвинул к себе микрофон. На мизинце красовалось кольцо с эмблемой коллегии адвокатов.

— Только пара уточняющих вопросов, господин судья, — попросил он голосом тихим и

вкрадчивым. Лампочка под микрофоном стала зеленой. — Значит, когда третьего января в девять часов вы вошли в «Деннис-кебаб» на улице Дроннингенс-гате, у вас имелось явное намерение исполнить свой долг, о котором вы говорите, и защитить нашу расу.

Юхан Крон бросился к микрофону:

— Мой подзащитный уже сказал, что возникла ссора между ним и хозяином-вьетнамцем. — Красная лампочка. — Его спровоцировали, — сказал Крон. — И я считаю, что подобные намеки совершенно беспочвенны.

Грот прикрыл глаза.

— Ульсен, если верно то, что говорит ваш защитник, значит, бейсбольная бита оказалась у вас с собой совершенно случайно?

— Для самообороны, — оборвал его Крон и отчаянно взмахнул руками. — Господин судья, мой подзащитный уже отвечал на эти вопросы.

Судья в задумчивости тер шею, разглядывая адвоката. Юхан Крон-младший был восходящей звездой и многообещающим юристом, ничуть не хуже Юхана Крона-старшего. И, видимо, поэтому судья наконец вынужден был признать:

— Я согласен с защитником. Я думаю, что, если у обвинения вопросов больше нет, нам стоит продолжить.

Грот удивленно вытаращил глаза. Потом кивнул и устало поднял со стола газету.

— Вот выпуск «Дагбладет» за двадцать пятое января. В интервью на восьмой странице один из сообщников обвиняемого говорит...

— Протестую... — начал Крон.

Грот устало вздохнул:

— Хорошо, скажу иначе: человек, выражающий расистскую точку зрения.

Судья кивнул и одновременно бросил предостерегающий взгляд на Крона.

Грот продолжал:

— Этот человек, комментируя налет на «Деннис-кебаб», сказал, что нам нужно больше таких расистов, как Сверре Ульсен, чтобы отвоевать Норвегию. В интервью слово «расист» используется как одобрительное и даже хвалебное. А вы сами, подсудимый, считаете себя расистом?

— Да, я расист, — ответил Ульсен до того, как Крон успел хоть что-то сказать. — В том смысле, как я это понимаю.

— А как вы это понимаете? — улыбнулся Грот.

Крон сжал кулаки под столом и посмотрел на президиум — на судью и двух его помощников по обеим сторонам от него. От этих троих будет зависеть судьба его подзащитного в ближайшие годы и его личная карьера в ближайшие месяцы. Два обычных представителя народа, приглашенных просто для создания духа правосудия. «Куклы в буклях» — вот как их всегда называли, но, возможно, они вовсе и не были «куклами». Справа от судьи сидел молодой человек в дешевой практичной рабочей одежде, который редко отваживался поднять глаза. Полноватая девушка слева от судьи, по-видимому, лишь притворялась, что следит за происходящим; она сидела с гордо поднятой головой, так что сидящим в зале было хорошо виден уже наметившийся двойной подбородок. Среднестатистические норвежцы. Что они знают о таких, как Сверре Ульсен? Что они хотели бы знать?

Все свидетели видели, как Сверре Ульсен вошел в забегаловку с битой под мышкой и после недолгой перебранки ударил ею по голове хозяина заведения Хо Дая, сорокалетнего

вьетнамца, приехавшего в Норвегию в качестве беженца в 1978 году. Ударил так сильно, что Хо Дай больше не поднялся. Когда Ульсен начал говорить, Крон уже успел обдумать свой следующий протест.

— Расизм, — по слогам прочитал Ульсен, разобравшись в своих записях, — есть вечная борьба против наследственных заболеваний, дегенерации и геноцида, а также надежда на более здоровое общество с более высоким уровнем жизни. Смешение рас — одна из форм двустороннего геноцида. В мире, где решено восстановить генофонды, чтобы защитить малейшую букашку, полным ходом идет смешение и разрушение человеческих рас с тысячелетней историей. В одной из статей известного журнала «Американ физиолоджист» за семьдесят второй год пятьдесят американских и европейских ученых выступили против замалчивания данных наследственности.

Ульсен замолчал, окинул зал 17 взглядом и поднял вверх указательный палец. Теперь он стоял лицом к прокурору, и Крон мог видеть татуировку «Sieg Heil» между затылком и шеей — немой крик и своеобразное причудливое несоответствие холодной высокопарности всех этих фраз. Последовало молчание, по шуму в коридоре Крон понял, что в зале 18 объявили обеденный перерыв. Секунды шли. Крон вспомнил, что где-то читал о том, что Адольф Гитлер во время массовых митингов растягивал свои картинные паузы до трех минут. Когда Ульсен продолжил свою речь, он отстукивал пальцем такт, будто хотел вбить каждое слово и предложение в слушателей:

— Те из вас, кто пытается отрицать борьбу рас, — либо слепцы, либо предатели.

Он отпил из стакана, стоявшего перед ним.

Прокурор воспользовался этой паузой и задал очередной вопрос:

— По-вашему, в этой борьбе вы и ваши сообщники, часть которых находится сейчас в зале, единственные, кто имеет право нападать в этой борьбе?

Послышалось мычание присутствующих в зале бритоголовых.

— Мы не нападаем, мы обороняемся, — ответил Ульсен. — Это право и обязанность всех рас.

Кто-то из присутствующих прокричал что-то Ульсену, и он продолжал с улыбкой:

— И в чужих расах можно найти национал-социалистов с расовыми убеждениями.

Одобрительный смех и аплодисменты присутствующих. Судья попросил тишины и вопросительно посмотрел на прокурора.

— Это все, — сказал Грот.

— Есть ли у защиты какие-нибудь вопросы?

Крон покачал головой.

— Тогда попрошу ввести первого свидетеля обвинения.

Прокурор кивнул приставу, тот открыл заднюю дверь, высунулся в нее и что-то сказал. За дверью скрипнул стул, дверь широко открылась, и вошел крепкого вида мужчина. Крон отметил тесноватый в плечах пиджак, черные кожаные штаны и такого же цвета высокие сапоги. Бритая голова. Судя по стройной фигуре атлета — лет тридцать. Но красноватые белки глаз и тонкие лиловые жилки на бледном лице делали его старше лет на двадцать.

— Офицер полиции Харри Холе? — спросил судья, когда свидетель занял свое место.

— Да.

— Вы хотите, чтобы ваш адрес остался...

— В тайне. — Холе показал большим пальцем через плечо. — Они уже пытались наведаться ко мне домой.

Снова недовольные выкрики.

— Холе, вы уже давали показания? И присягу?

— Да.

Крон замотал головой, как резиновая собачка, какими некоторые водители украшают свои машины, и начал лихорадочно копаться в документах.

— Итак, Холе, вы работаете следователем в отделе убийств, — начал Грот. — Почему к вам попало это дело?

— Потому что мы допустили ошибку.

— Простите?

— Мы не думали, что Хо Дай выживет. Обычно это не удается тем, у кого проломлен череп и выбита часть его содержимого.

Крон видел, как лица членов суда растягивает непроизвольная ухмылка. Но это еще ничего не значит. Он отыскал бумагу с именами помощников судьи. Вот там и была... ошибка.

Эпизод 3

Улица Карл-Юханс-гате, 5 октября 1999 года

«Ты умрешь».

Эти слова звенели в ушах старика, пока он шел по лестнице, а потом стоял, ослепленный ярким осенним солнцем. Его зрачки медленно сужались, а он стоял, вцепившись в перила, и глубоко дышал. Он слышал какофонию машин, трамваев, пищущих светофоров. И голоса — возбужденные радостные голоса людей, пробегающих мимо звонко стуча каблуками. И музыку — слышал ли он раньше столько музыки? Но ничто не могло заглушить звенящих слов: «Ты умрешь».

Как часто он стоял здесь, на лестнице у входа в приемную доктора Буера? Два раза в год, в течение сорока лет, то есть восемьдесят. Восемьдесят обычных дней, точно таких же, как этот. И никогда раньше он не обращал внимания на людей на улицах, на то, как они радуются жизни, как они хотят жить. Стоял октябрь, но погода была майская. В этот день все было убийственно спокойно. Может, он преувеличивает? Он слышал ее голос, видел, как от солнца к нему устремляется ее силуэт, различал черты ее лица, тонушие в торжественно-ярком свете.

«Ты умрешь».

Бесконечная белизна вновь обрела цвет и превратилась в Карл-Юханс-гате. Он спустился по ступенькам лестницы, остановился, посмотрел направо, потом налево, словно не зная, куда теперь идти, и погрузился в размышления. Вдруг он вздрогнул, будто кто-то разбудил его, и пошел в сторону Королевского дворца — шаткой походкой, глядя под ноги, сторбившись в ставшем великоватым шерстяном пальто.

— Опухоль увеличилась, — сказал доктор Буер.

— Ладно, — ответил он тогда, посмотрел на Буера и подумал, что в медицинском училище, наверное, учат снимать очки, когда нужно сказать что-то серьезное или когда близорукому врачу не хочется видеть глаза пациента. Теперь, когда у него начали появляться залысины, доктор стал ходить на своего отца, доктора Конрада Буера, а мешки под глазами придавали ему такое же вечно огорченное выражение.

— То есть? — спросил он так, как не спрашивал вот уже пятьдесят лет: тихим, хриплым, дрожащим голосом — голосом, исполненным смертельного страха.

— Да, это вопрос...

— Бросьте, доктор. Я и раньше смотрел смерти в глаза.

Он перевел дух, выбирая слова, которые придали бы его голосу уверенности, по крайней мере, чтобы ее мог слышать доктор Буер. Чтобы он сам мог ее слышать.

Доктор водил взглядом по скатерти, по старому паркету, смотрел в мутное окно, лишь бы не встретиться взглядом со стариком. Он снова и снова протирал стекла очков.

— Я понимаю, почему...

— Вы ничего не понимаете, доктор. — Старик вдруг услышал свой собственный смех, короткий и сухой. — Не принимайте это близко к сердцу, Буер, но я вас уверяю: вы ничего не понимаете.

Он увидел, что Буер смутился, и в тот же миг услышал, как капает кран над раковиной в дальнем конце комнаты — звук, вернувший ему ощущения юности.

Буер надел очки, взял лист бумаги, будто там были написаны слова, которые он должен

был сказать, откашлялся и произнес:

— Ты умрешь.

Старик предпочел бы услышать: «Вы умрете».

Он остановился возле какой-то компании и слышал звуки гитары и песню. Песню, которая старше их всех. А он слышал ее раньше — четверть века назад, но для него это словно вчера. И так бывало со всем: чем раньше что-то было, тем отчетливее и ближе оно теперь казалось. Сейчас он мог вспомнить то, о чем не вспоминал многие годы, а может, не вспоминал никогда. То, о чем он писал в своих дневниках со времен войны, теперь возникало перед ним, будто кадры из фильма, стоило ему лишь закрыть глаза.

«Во всяком случае, год у вас есть».

Одна весна и одно лето. Он мог различить каждый золотой лист на деревьях Студенческого парка, словно на нем были новые очки, сильнее прежних. Те же деревья стояли здесь в сорок пятом. А может, нет? Тогда они не были так отчетливо видны. Все тогда было будто в дымке. Улыбающиеся лица, безумные лица, крики, которые тогда едва долетали до него, неприкрытая дверь автомобиля... Может, тогда у него на глазах были слезы, потому что, когда он вспоминал флаги, с которыми люди бежали по тротуарам, они представлялись ему расплывчатыми красными пятнами. Люди кричали: «Наследник вернулся!»

Он обошел вокруг Дворца и увидел группу людей, пришедших посмотреть на смену караула. Со стороны бледно-желтого фасада слышалось эхо команд, клацанье винтовок и чеканный стук сапог. Гудели видеокамеры, он слышал несколько слов по-немецки. Молодая японская парочка стояла в обнимку и с легкой усмешкой смотрела это представление.

Он закрыл глаза и попытался почувствовать запах военной формы и ружейного масла. Вздор, это совсем не похоже на запах войны, который ему так знаком!

Он снова открыл глаза. Что они понимали, мальчики в черной униформе, парадные фигуры социалистической монархии, когда исполняли все эти церемонии. Они были слишком наивны, чтобы понять, и слишком молоды, чтобы прочувствовать все это. Он вспомнил тот день и тех норвежских ребят в военной форме, или, как они тогда говорили, в «шведской униформе». Тогда это напоминало ему игру в солдатики. Они не знали, зачем нужна форма, и еще меньше представляли себе, как обращаться с военнопленными. Пугливые и жестокие, с сигарками во рту, в лихо надетых набекрень фуражках, вцепившись в недавно выданные винтовки, они пытались преодолеть страх, молотя прикладами в спины арестантам.

«Нацистская сволочь», — говорили они при каждом ударе, будто в оправдание собственным грехам.

Он с наслаждением вдохнул теплый осенний воздух, но тут же почувствовал боль. Он покачнулся и сделал шаг назад. Отек легких. Через двенадцать месяцев самое позднее у него начнется отек легких. А это, говорят, самое страшное.

«Ты умрешь».

Он зашелся кашлем, таким жутким, что те, кто был рядом с ним, отшатнулись.

Эпизод 4

МИД Норвегии, Виктория-Террасе, 5 октября 1999 года

Главный советник Министерства иностранных дел Бернт Браннхёуг стремительно шел по коридору. Полминуты назад он вышел из кабинета, а через сорок пять секунд должен быть в совещательной комнате. Он играл мускулами плеч, сознавая, как они выпирают под пиджаком, ощущая, как натягивается материя. Вот она, *Latissimus dorsi* — спинная мышца, развитая у лыжников. В свои шестьдесят Бернт выглядел не старше пятидесяти. Не то чтобы он был вечно занят своей внешностью — просто следил за собой. Это не слишком сложно: каждый день выполнять физические упражнения, которые ему даже нравились, зимой проводить пару часов в солярии и регулярно выщипывать седые волосы из кустистых бровей.

— Привет, Лиза! — бросил он, пробегая мимо ксерокса. Молодая практикантка вздрогнула от неожиданности и успела лишь слабо улыбнуться ему вслед, но он уже исчез за очередным поворотом коридора.

Лиза недавно получила диплом юриста. С ее отцом Браннхёуг когда-то учился в школе. Лиза работает здесь всего три недели. Отныне пусть знает, что главный советник МИДа, самый большой начальник в этом учреждении, знает ее в лицо. И он, конечно, сможет ей помочь. При случае.

Уже подлетая к двери, Браннхёуг услышал гул голосов. Он посмотрел на часы. 75 секунд. Затем вошел, мгновенно окинул взглядом совещательную комнату и отметил, что присутствуют представители всех заинтересованных инстанций.

— Ага, вы, значит, и есть Бьярне Мёллер? — Он широко улыбнулся и через стол протянул руку высокому тощему мужчине, сидевшему рядом с Анной Стёрксен, начальником полицейского участка.

— Мёллер, вы ведь НОП? Я слышал, вы участвуете в горнолыжной эстафете на Холменколленской трассе?

Это была одна из уловок Браннхёуга. Так он составлял первое впечатление о новых знакомых. То, чего не давало ни одно резюме. Ему особенно нравились такие вопросы и профессиональные сокращения, вроде НОП — начальник отделения полиции.

Браннхёуг сел, подмигнул своему старому другу Курту Мейрику, начальнику Службы безопасности полиции, и принялся рассматривать других людей за столом.

Еще никто не знал, кому же будет поручено общее руководство, так как теоретически представители всех инстанций — управления делами премьер-министра, полицейского округа Осло, Службы разведки Министерства обороны, сил быстрого развертывания и собственно Министерства иностранных дел — находились в равных условиях. Совещание было организовано по инициативе УДСПМ — управделами премьера, но ни у кого не было сомнений, что ответственность за операцию будет возложена на руководство полицейского округа Осло во главе с Анной Стёрксен и Службу безопасности Курта Мейрика. А статс-секретарь из управления делами сидел с таким видом, будто сам не прочь порулить.

Браннхёуг закрыл глаза и стал слушать.

Обмен любезностями прекратился, гул голосов постепенно утих. На секунду воцарилась тишина. Но потом началось шуршание бумаги, щелканье ручек — все начальники, как водится, явились со своими личными референтами, на случай, если после встречи придется

свалить вину друг на друга. Кто-то откашлялся, но, во-первых, этот звук послышался не из того угла комнаты, а во-вторых, перед выступлением откашливаются не так. Наконец кто-то сделал глубокий вдох и приготовился говорить.

— Давайте начнем, — сказал Бернт Браннхёуг и открыл глаза.

Все взгляды устремились на него. Каждый раз одно и то же. Приоткрытый рот статс-секретаря, кривая улыбка госпожи Стёрксен, означающая, что ее обладательница знает всю подоплеку происходящего, а у остальных — пустые лица, устремленные на него, и в них — ни тени подозрения, что все уже давно решено.

— Я рад приветствовать вас на первом заседании координационного совета. Наша задача — обеспечить безопасность четырех самых значимых людей на планете во время их пребывания в Норвегии.

Послышались сдержанные смешки.

— Первого ноября, в понедельник, в страну приезжают лидер ООП Ясир Арафат, израильский премьер Эхуд Барак, премьер-министр Российской Федерации Владимир Путин, и — самое главное! — в шесть пятнадцать, ровно через пятьдесят девять дней, в столичном аэропорту Гардермуен приземлится самолет с американским президентом на борту.

Браннхёуг быстро переводил взгляд с одного лица на другое. И наконец остановил его на своем новом знакомом, Бьярне Мёллере.

— Что, прямо скажем, не такая уж государственная тайна, — добавил он и так добродушно рассмеялся, что Мёллер тут же забыл всю свою нервозность и тоже засмеялся. Браннхёуг широко улыбнулся, демонстрируя свои крепкие зубы, ставшие еще белее после очередного посещения стоматолога.

— Мы не знаем точно, сколько человек приедет, — продолжал Браннхёуг. — В Австралии у президента было две тысячи человек сопровождения, в Копенгагене — тысяча семьсот.

Послышался ропот.

— Но, судя по моему опыту, можно сделать предположение, что, скорее всего, будет человек семьсот.

Говоря это, Браннхёуг знал, что его «предположение» вскоре подтвердится, так как несколько раньше ему по факсу прислали список из свыше 712 желающих приехать.

— Кто-то, быть может, подумает: зачем президенту столько народа для всего лишь двухдневного саммита. Семьсот, если мои расчеты верны, — именно столько человек было с императором Фридрихом Третьим, когда он в тысяча четыреста шестьдесят восьмом году поехал объяснять Папе Римскому, кто в мире хозяин.

Снова смех. Браннхёуг подмигнул Анне Стёрксен: эту фразу он вычитал в газете «Афтенпостен».

Затем всплеснул руками:

— Я думаю, не нужно объяснять, как это мало — два месяца. И это означает, что нам следует проводить координационные собрания ежедневно в десять часов в этой комнате. И пока эти четверо ребят на нашей ответственности, забудьте про все остальное! Никаких отпусков и отгулов! Никакие болезни не будут вам оправданием. Есть вопросы или можно продолжать?

— Но мы полагаем... — начал статс-секретарь.

— Депрессии в том числе, — оборвал его Браннхёуг.

Бьярне Мёллер невольно расхохотался.

— Но мы... — снова начал статс-секретарь.

— Пожалуйста, Мейрик, — вдруг повысил голос Браннхёуг.

— А?

Шеф СБП Курт Мейрик поднял свою блестящую бритую голову и посмотрел на Браннхёуга.

— Вы ведь хотели рассказать нам о том, как СБП оценивает возможную опасность? — спросил Браннхёуг.

— А, это, — сказал Мейрик. — У нас есть с собой копии.

Мейрик был из Тромсё и говорил на характерно непоследовательной смеси родного диалекта и бук-мола^[2]. Он кивнул женщине, сидящей рядом с ним. Браннхёуг тоже посмотрел на нее. Без сомнения, не окрашена, короткие темные волосы небрежно пострижены и скототы нелепой заколкой. А ее синий шерстяной костюм поистине вызывал тоску. Но хотя она чересчур серьезно хмурила лоб, как это часто делают сотрудники-женщины, боясь, что иначе их не воспримут всерьез, Браннхёугу все это даже нравилось. У нее были нежные карие глаза, а высокие скулы придавали ей аристократический, почти ненорвежский вид. Он видел ее и раньше, но тогда у нее была другая прическа. Как же ее звали, кажется, что-то библейское — Рахиль? Ракель? Может, она недавно развелась, тогда ее нынешняя прическа вполне объяснима. Она наклонилась к портфелю, который стоял между ней и Мейриком, и взгляд Браннхёуга непроизвольно скользнул по ее блузке, но та была застегнута под горло, и ничего интересного увидеть не удалось. Интересно, ее дети уже ходят в школу? Может, пригласить ее на ужин в какой-нибудь отель в центре?

— Я думаю, будет достаточно короткого устного резюме, — произносит он.

— Хорошо.

— Я только хотел бы сказать прежде... — начал статс-секретарь.

— Может, дадим Мейрику закончить, а потом ты будешь говорить, сколько тебе угодно, Бьёрн?

Браннхёуг впервые назвал статс-секретаря на “ты”.

— СБП считает, что угроза покушения или иного членовредительства наличествует, — сказал Мейрик.

Браннхёуг улыбнулся. Уголкем глаза он заметил, что то же самое сделала и Анна Стёрксен. Шустрая девица, превосходно сдала экзамен по праву, незапятнанный бюрократический послужной список. Может, стоит как-нибудь пригласить ее с мужем к себе на обед? Браннхёуг с женой жили в просторной бревенчатой вилле, у границы с Нурбергом. Только лыжи надел — и начинай прогулку. Бернт Браннхёуг любил свою виллу. Но его жене она казалась чересчур мрачной, старое темное дерево ее угнетало, и лес вокруг ей вовсе не нравился. Да, пригласить на обед! Старые бревна и форель, которую он сам наловит. Это будет правильный сигнал!

— Позвольте вам напомнить, что четыре американских президента погибли от рук убийцы. Авраам Линкольн в тысяча восемьсот шестьдесят пятом году, Джон Гарфилд в тысяча восемьсот восемьдесят первом, Джон Кеннеди в шестьдесят третьем и э-э... — Мейрик повернулся к женщине с высокими скулами и по ее губам прочел забытое имя. — Ну да, Мак-Кинли. В э-э...

— Девятьсот первом, — добродушно улыбнулся Браннхёуг и взглянул на часы.

— Точно. Но на протяжении американской истории были и другие покушения. На Гарри

Трумэна, Джеральда Форда и Рональда Рейгана во время президентства также устраивались серьезные покушения.

Браннхёуг кашлянул:

— Вы забываете, что в нынешнего президента несколько лет назад стреляли. Или, по крайней мере, обстреляли его дом.

— Это верно. Но мы не рассматриваем подобные инциденты. Их очень много. Я позволю себе сказать, что за последние лет двадцать на каждого американского президента было совершено по дюжине покушений, а то и больше, просто пресса об этом не очень-то распространялась.

— А почему? — Начальнику отделения полиции Бьярне Мёллеру показалось, что он задал этот вопрос про себя, и он очень удивился, услышав собственный голос. Он сглотнул, заметив, что все внимательно смотрят на Мейрика, ожидая ответа, но помочь ничем не мог и беспомощно посмотрел на Браннхёуга. Советник утешительно подмигнул ему.

— Ну, как вам известно, обычно о раскрытии покушений не трубят, — сказал Мейрик и снял очки. Они были похожи на очки инспектора Деррика из фильма, очки-хамелеоны, такие очень любят рекламировать в каталогах. — К тому же, как известно, покушения почти так же заразны, как самоубийства. Кроме того, мы, сыщики, не любим рассказывать о наших методах.

— Какие охранные мероприятия планируются? — прервал его статс-секретарь.

Женщина с высокими скулами протянула Мейрику листок. Тот надел очки и начал читать:

— В четверг придут восемь сотрудников спецслужб, и мы начнем прочесывать отели, изучать маршрут поездки, проверять на благонадежность тех, кто будет непосредственно рядом с президентом, и инструктировать наших полицейских. Я думаю, что дополнительно мы привлечем людей из Румерике, Аскера и Берума.

— Для чего? — спросил статс-секретарь.

— Преимущественно для охраны. Американского посольства, гостиницы, где будет жить сопровождение, автопарк...

— Короче говоря, всех, кроме президента?

— Этим будет заниматься непосредственно СБП. И спецслужбы.

— Что-то мне не верится, что вам хочется заниматься охраной, Курт, — ухмыльнулся Браннхёуг.

При этих словах Курт Мейрик натужно улыбнулся. В 1998 году, во время совещания министров экономики в Осло, СБП отказалась выставлять охрану, ссылаясь на то, что, по их данным, «риск был минимален». На второй день конференции управление по делам иностранцев обратило внимание МИДа на то, что один из норвежцев, утвержденный СБП на должность шофера для хорватской делегации, — боснийский мусульманин. Он приехал в Норвегию в 70-х и получил норвежское гражданство, но в 1993 году его родители и четверо братьев и сестер погибли из-за резни, устроенной хорватами в Мостаре, в Боснии-Герцеговине. В его квартире при обыске нашли две ручные гранаты и написанное им письмо самоубийцы. Конечно, журналисты об этом не пронюхали, но последовала такая головомойка, что дальнейшая карьера Курта Мейрика висела на волоске, и если бы не Бернт Браннхёуг... Дело замяли после того, как парень, который занимался непосредственным утверждением персонала, написал рапорт об отставке. Браннхёуг уже и не помнил, как звали того молодого полицейского, но сотрудничество с Мейриком с тех пор шло со скрипом.

— Бьёрн! — Браннхёуг хлопнул в ладоши. — Теперь нам всем ужасно интересно, что ты хотел поведать миру. Валяй!

Браннхёуг скользнул взглядом по лицу соседки Мейрика. Мгновенно — но успел заметить, что та смотрит на него. Точнее, в его направлении. Однако взгляд ее был безразличным и отсутствующим. Вот бы поймать этот взгляд, разглядеть, что в нем таится! И эта мысль уносила его все дальше и дальше. Кажется, ее зовут Рабель?

Эпизод 5

Дворцовый парк, 5 октября 1999 года

— Ты умер?

Старик открыл глаза и увидел над собой очертания головы, но лица невозможно было различить из-за ослепительного светового ореола.

«Ты умер?» — повторил чистый, мелодичный голос.

Он не отвечал, потому что не понимал, наяву все это или во сне. Или, как предполагал обладатель голоса, он и вправду умер.

— Как тебя зовут?

Теперь голова исчезла, и вместо нее он видел кроны деревьев и голубое небо. Это сон. Как в стихотворении: «Сзади обнаженный лес весенний, а над ними бомбовозы вражьи»^[3] Нурдала Грига. О короле, который бежит в Англию. Глаза снова привыкли к свету, и он вспомнил, что упал на траву в Дворцовом парке, чтобы немного отдохнуть. Должно быть, он заснул. Рядом на корточках сидел маленький мальчик и из-под черной челки смотрел на него своими карими глазами.

— Меня зовут Али, — сказал малыш.

Пакистанец? У мальчика был примечательный курносый нос.

— Али значит «Бог», — добавил малыш. — А что значит твое имя?

— Меня зовут Даниель, — улыбнулся старик. — Это библейское имя. Оно значит: «Бог мне судья».

Мальш посмотрел на него:

— Значит, ты Даниель?

— Да, — сказал старик.

Мальчик все глядел на него, и старик почувствовал себя неловко. Может, мальчик решил, что он бездомный, раз лежит здесь, на солнцепеке, в одежде, укутавшись шерстяным пиджаком, как пледом.

— А где твоя мама? — спросил он, чтобы избежать этого пристального взгляда.

— Вон там. — Малыш повернулся и показал пальцем.

Две крепкие темноволосые женщины сидели поодаль. Вокруг них, смеясь, возились четыре карапуза.

— Значит, я буду тебя судить, — сказал мальчик.

— Что?

— Али — это Бог, ведь так? А Бог судит Даниеля. А меня зовут Али, а тебя зовут...

Старик протянул руку и ухватил Али за нос. Мальчик весело взвизгнул. Женщины повернулись к ним, одна уже собралась встать, и он отпустил малыша.

— Твоя мама, Али. — Старик кивнул в сторону женщины, которая уже шла к ним.

— Мамочка! — радостно закричал малыш. — Смотри, я судья! Я буду судить дядю.

Женщина прокричала ему что-то на урду. Старик улыбнулся ей, но женщина даже не взглянула на него. Она пристально смотрела на сына, и тот в конце концов послушно пошел к ней. Когда они уходили, она оглянулась, но казалось, не хотела замечать старика, будто он был невидимкой. Ему захотелось объяснить ей, что он не бродяга, что он был одним из строителей общества. Что когда-то он уходил на Восток, готовый сделать для мира все, хотя все, что он мог сделать, — это уступить другим место, бросить свое призвание и махнуть на

все рукой. Но он не стал этого говорить. Он очень устал и хотел домой. Отдыхать — и больше ничего. Теперь за все должны платить другие.

Уходя, он не услышал, как мальчик его окликнул.

Эпизод 6

Полицейский участок, Грэнланн, 10 октября 1999 года

Кто-то с грохотом вошел в комнату. Эллен Йельтен подняла глаза:

— Доброе утро, Харри.

— Черт!

Харри пнул мусорное ведро, стоящее у его письменного стола, так, что оно ударилось о стену рядом со стулом Эллен и покатилося по полу, разбрасывая по линолеуму содержимое: неудачный черновик рапорта (убийство в Экеберге), пустую пачку из-под сигарет («Кэмел», с наклейкой «Tax free»), зеленую упаковку от йогурта «Доброе утро», газету «Дагсависен», старый билет в кино (на фильм «Страх и ненависть в Лас-Вегасе»), старый кассовый чек, банановую кожуру, журнал о музыке («МОДЖО», № 69 за февраль 1999 г. с группой «Куин» на обложке), бутылку колы (пластиковую, 0,5 л) и желтый стикер с телефонным номером, по которому он в свое время собирался позвонить.

Эллен оторвала взгляд от своего компьютера и рассматривала мусор на полу.

— Ты читаешь «МОДЖО», Харри? — спросила она.

— Черт! — повторил Харри, сорвал с себя пиджак и швырнул его через всю комнату в двадцать квадратных метров, которую он делил с Эллен Йельтен. Пиджак попал в вешалку, но свалился на пол.

— Что случилось? — спросила Эллен и, протянув руку, подхватила падающую вешалку.

— Вот что я нашел в почтовом ящике. — Харри потряс в воздухе документом.

— Похоже на приговор.

— В точку.

— То самое дело с «Деннис-кебаб»?

— Точно.

— Ну?

— Сверре Ульсену дали по полной — три с половиной года.

— Йес! Тогда ты должен радоваться.

— Я радовался около минуты. Пока не прочитал это.

Харри достал факс.

— Ну и?

— Когда Крон получил свою копию приговора сегодня утром, он в ответ предупредил нас, что собирается подать апелляцию из-за нарушений в судебной процедуре.

Лицо Эллен скривилось.

— Н-да.

— Он хочет полного пересмотра дела. Ты не поверишь, но этот подонок Крон потребовал повторного принятия присяги.

— Это на каких же основаниях?

Харри остановился у окна.

— Члены суда должны принимать присягу только один раз, когда их избирают. Но это должно произойти в зале суда до того, как начнется слушание. Крон заметил, что одна из присяжных — новенькая, а по оплошности судьи она не успела поклясться в зале суда.

— Это называется «принести присягу».

— Вот-вот. И по протоколу оказывается, что судья уладил все это дело и дама принесла

присягу в задней комнате как раз перед началом слушания. Судья сослался на нехватку времени и какие-то новые правила.

Харри скомкал факс и бросил его. Бумажный комок прочертил в воздухе длинную дугу, но полметра не долетел до мусорной корзины Эллен.

— И что в итоге? — спросила Эллен и ногой отфутболила факс в направлении стола Харри.

— Весь процесс будет признан недействительным, а Сверре Ульсен будет на свободе еще по меньшей мере полтора года, пока не организуют следующее слушание. И вдобавок, наказание будет куда мягче, с учетом того, что время ожидания — это сильная психологическая травма для обвиняемого, и все такое в этом духе. А учитывая, что Сверре Ульсен уже восемь месяцев отсидел в КПЗ, его вообще можно считать свободным человеком.

Харри рассказывал это не Эллен — она и так знала все подробности дела. Он рассказывал это собственному отражению в окне, произнося слова как можно громче и слушая, насколько убедительнее они становятся. Он обхватил обеими руками вспотевшую лысую макушку, где до недавнего времени торчал аккуратный ежик. Да, у него действительно были причины сбрить последние волосы: на прошлой неделе его снова узнали на улице. Парень в черной вязаной шапочке, кроссовках «Найк» и таких широких штанах, что мотня болталась между колен, оторвался от компании гогочущих юнцов, подошел к нему и поинтересовался у Харри, не он ли «типа Брюс Уиллис из Австралии». Три — целых три! — года прошло с тех пор, как на газетных передовицах печатали его фотографии, а сам он валял дурака в телевизионных ток-шоу, рассказывая о серийном убийце, которого убил в перестрелке в Сиднее. Харри тотчас же пошел в парикмахерскую. Эллен посоветовала побриться наголо.

— А знаешь, что самое плохое? Ведь я могу поклясться, что этот чертов адвокат знал обо всем еще до вынесения приговора и мог бы сразу сказать, что присяга должна быть немедленно аннулирована. Нет же — он просто сидел, потирал руки и ждал!

Эллен пожала плечами:

— Бывает. Умелая работа защитника. Правосудие требует жертв. Будь стойким, Харри!

Это было сказано не без сарказма, но, в общем, разумно.

Харри прислонился лбом к прохладному стеклу. Еще один теплый октябрьский день. Интересно, где эта Эллен, молодая сотрудница с бледным, кукольным смазливym личиком, маленьким ротиком и круглыми глазками, нахватавшись такого цинизма. Девочка из мещанской семьи, единственный ребенок, которому всегда во всем потакали и даже послали учиться в швейцарский пансион. Кто знает, может, со временем она станет еще циничней.

Харри запрокинул голову и выдохнул. Потом расстегнул верхнюю пуговицу рубашки.

— Еще, еще, — громким шепотом сказала Эллен и негромко похлопала в ладоши, изображая одобрительные аплодисменты.

— У неонацистов он проходит под кличкой Бэтмен.

— Ясное дело. Бейсбольная бита по-английски — «бэт».

— Да не нацист — адвокат.

— Ух ты! Уже интереснее. Означает ли это, что он красив, богат и окончательно рехнулся, что у него рельефная мускулатура на животе и крутая тачка?

Харри рассмеялся:

— Тебе бы вести собственное ток-шоу, Эллен. Его так зовут, потому что он всегда выигрывает дело, когда берется защищать кого-нибудь из них. К тому же он женат.

— У него есть хотя бы один минус?

— Да, он постоянно норовит подложить нам свинью, — ответил Харри, наливая себе чашку натурального кофе. Эллен привезла в контору кофеварку еще года два назад, когда только-только устроилась на работу. Вся беда была в том, что Харри из-за этого уже не мог пить прежнюю растворимую бурду.

— Он метит в Верховный суд? — спросила она.

— Ему и сорока не стукнет, а он уже будет там заседать.

— Тысячу крон — не будет!

— Принято.

Они рассмеялись и чокнулись бумажными стаканчиками.

— Я возьму этот вот выпуск «МОДЖО», не возражаешь? — спросила она.

— Там на развороте — десять худших фотографий Фредди Меркюри. Голый торс, набедренная повязка и улыбка до ушей. Полный набор. Забирай!

— А мне нравится Фредди Меркюри. Нравился.

— Я и не говорил, что мне он не нравится.

Синее в крапинку вертящееся кресло, которое испокон веков было установлено на нижнем уровне, вдруг протестующе заскрипело, едва Харри попытался откинуться на спинку. Он сорвал приклеенный на его телефон желтый стикер с надписью рукой Эллен.

— Что это такое?

— А ты сам не видишь? Тебя спрашивал Мёллер.

Харри рысцой устремился по коридору, предвкушая, как шеф будет поджимать губы и озабоченно хмурить брови, когда узнает, что Сверре Ульсен снова на свободе.

Молодая розовощекая девушка у ксерокса торопливо улыбнулась, когда он пробежал мимо копировальной комнаты. Харри не улыбнулся ей в ответ. Вероятно, какая-нибудь новая сотрудница. Аромат ее духов был приторным и тяжелым и только раздражал его. Он посмотрел на секундную стрелку часов.

Итак, теперь его раздражают духи. Что с ним, собственно, происходит? Эллен как-то сказала, что ему не хватает простых потребностей, которые помогают расслабиться нормальным людям. После возвращения из Бангкока он так надолго залег на дно, что потерял всякую надежду когда-нибудь подняться. Все кругом было холодным и мрачным, все одинаково давило. Будто он и в самом деле давным-давно лежит под водой. Кругом была гробовая тишина. Когда люди говорили с ним, слова, как пузыри воздуха, вырывались у них изо рта и уносились вверх. Вот что такое тонуть, думал он и ждал. Но ничего не происходило. Пустота, и все. И больше ничего. Но он справился.

Благодаря Эллен.

Она появилась в его жизни в первые же недели по его возвращении. Каждый вечер, когда в конце рабочего дня он собирал свои вещи и шел домой, она следила, чтобы он не заглядывал в пивную, приказывала ему не нервничать, если он опаздывал, решала, годен он сегодня к работе или нет. Пару раз отсылала его домой, угрожая, что иначе не будет с ним разговаривать. На это уходило время, но Харри особенно некуда было торопиться. И как-то в пятницу она с удовлетворением отметила, что Харри не брал в рот ни капли уже целую неделю.

Под конец он прямо спросил, зачем ей, девушке с блестящим юридическим образованием и не менее блестящими перспективами, надевать себе на шею такое ярмо. Разве ей не понятно, что ее карьера это никак не поможет? Или она не может найти себе

более преуспевающих друзей?

Она серьезно посмотрела на него и ответила, что она делает это, исключительно чтобы паразитировать на его опыте, и что он самый лучший следователь в отделе убийств. Глупость, конечно, но ему было очень лестно услышать это. К тому же Эллиен переполнял такой энтузиазм, такие амбиции, что поневоле прислушаешься к ней. Последние полгода у Харри даже стало что-то получаться. Кое-что даже чертовски здорово. Как в деле со Сверре Ульсеном.

Вот уже перед ним дверь кабинета Мёллера. Харри на ходу кивнул какому-то полицейскому в форме, но тот сделал вид, что не заметил его.

Харри подумал, что если бы он участвовал в передаче «Последний герой», то его плохую карму заметили бы в первый же день и отправили бы домой на первом же заседании совета племени. Заседание совета? Господи, он уже думает терминами этих идиотских программ на ТВ-3. Вот во что превращаешься, если каждый день просиживаешь перед телевизором пять часов. Но это лучше, чем напиваться в «Шрёдере».

Он два раза постучал в дверь. Прямо в табличку: Бьярне Мёллер, НОП.

— Войдите.

Харри посмотрел на часы. Семьдесят пять секунд.

Эпизод 7

Кабинет Мёллера, 10 октября 1999 года

Начальник отделения полиции Бьярне Мёллер скорее лежал, чем сидел в кресле, и его длинные ноги торчали из-под стола. Руки заложены за голову, между правым плечом и ухом зажат телефон. Великолепный пример того, что матерые следователи называют «долгий разговор». Коротко постриженные волосы делали его похожим на колобка и Кевина Костнера в фильме «Телохранитель». Мёллер «Телохранителя» не смотрел. Он не был в кино пятнадцать лет. Потому что судьба дала ему повышенное чувство ответственности, чересчур короткие сутки, а в придачу еще двух детей и жену, которым никогда его до конца не понять.

— ...Так мы и скажем. — Мёллер положил трубку и посмотрел на Харри поверх горы документов, переполненных пепельниц и бумажных стаканчиков, усеявших стол в художественном беспорядке. Логическим центром этого хаоса была фотография двух мальчиков в боевой раскраске индейцев.

— Стало быть, ты пришел, Харри.

— Стало быть, я пришел, шеф.

— Я тут был в Министерстве иностранных дел, на встрече, посвященной саммиту, который пройдет здесь, в Осло, в ноябре. Прилетает американский президент... В общем, ты и сам читаешь газеты. Кофе, Харри?

Мёллер встал, в два гигантских шага дошел до архивного шкафа, где на кипе бумаг балансировали кофейные чашки, и мягко откашлялся.

— Спасибо, шеф, но я...

Слишком поздно. Харри пришлось взять горячую чашку.

— Я с нетерпением жду гостей из Службы безопасности, с которыми, я уверен, у нас установятся дружеские отношения, едва мы узнаем друг друга поближе.

Мёллер говорил это без иронии. Это было одно из тех качеств, которые Харри ценил в своем начальнике.

Мёллер сел по-другому — теперь его колени упирались в стол. Харри откинулся назад, чтобы достать из кармана брюк смятую пачку сигарет «Кэмел», и вопросительно посмотрел на Мёллера. Тот кивнул и подвинул к нему одну из переполненных пепельниц.

— На меня возлагается ответственность за безопасность подъездов к Гардермуэну. Ведь кроме президента приезжает еще Барак...

— Барак?

— Эх, Барак. Премьер-министр Израиля.

— Ага. Значит, в Осло намечаются очередные знаменательные переговоры?

Мёллер недоверчиво посмотрела на синее облачко дыма, которое поднималось к потолку.

— Только не рассказывай мне, что ты ничего об этом не знаешь, Харри, а то я все больше за тебя волнуюсь. Ведь эта новость вот уже неделю не сходит с газетных передовиц.

Харри пожал плечами:

— Плохо работают распространители газет. Это из-за них я пребываю в информационном вакууме. Особенно что касается общественной жизни. — Харри сделал осторожный глоток, но кофе был слишком горячим, и он отставил чашку подальше. — И любовных скандалов.

— Вот как? — Мёллер посмотрел на Харри так, что по выражению его лица невозможно было определить, понравилась ли ему эта последняя фраза или нет. — Ясно. По-твоему, это круто, если мужчине за тридцать, он знает биографию всех участников игры «Последний герой», но не может назвать ни одного члена правительства. Не говоря уже о президенте Израиля.

— Премьер-министре.

— Ты хоть понимаешь, о чем я говорю?

Мёллер подавил смешок. Хотя не засмеяться было очень трудно. Как, впрочем, было трудно не полюбить этого чудаковатого парня с большими ушами, которые торчали на лысом черепе, как два ярких бабочкиных крыла. Даже несмотря на то что Харри доставлял Мёллеру больше проблем, чем все остальные. Но хотя Мёллер стал начальником отделения полиции совсем недавно, первую заповедь чиновника с карьерными устремлениями он уже усвоил. Заповедь гласила: «Не оголи тыла своего». Поэтому, когда Мёллер откашливался перед тем, как задать очередной волнующий его вопрос, он сначала хмурил брови, чтобы показать Харри, что волнуется за него по профессиональным причинам, а никак не личным.

— Харри, я слышал, ты все торчишь в «Шрёдере»?

— Меньше прежнего, шеф. Я смотрю там телевизор. Там замечательный экран.

— Но ты там сидишь?

— Им бы не понравилось, если бы я стоял.

— Ладно, проехали. Ты по-прежнему выпиваешь?

— Минимально.

— Что значит минимально?

— Если бы я пил меньше, меня бы просто выкинули из ресторана.

На этот раз Мёллер не удержался и рассмеялся.

— Мне нужны три офицера связи, — наконец сказал он. — Чтобы управлять работой десятка сотрудников различных полицейских округов фюльке^[4] Акерсхус. Плюс пара кадетов выпускного курса Полицейской академии. И я решил, что самыми подходящими будут Том Волер...

Волер. Расист, мешок с дерьмом и неприкрытый карьерист, который скоро покажет себя во всей красе. Харри был наслышан о методах работы Волера, демонстрирующих все пороки, которые молва приписывает полицейским, плюс еще парочку. Кроме одного: Волер, к сожалению, был отнюдь не дурак. Как следователь он достиг столь потрясающих результатов, что даже Харри пришлось признать, что Волер действительно заслужил повышение.

— ...И Вебер...

— Этот старый брюзга?

— ...И ты, Харри.

— *Say again?*^[5]

— Ты все расслышал.

Лицо Харри перекошилось.

— Есть возражения? — спросил Мёллер.

— Конечно.

— Но почему? Это же такое почетное задание, Харри. Такое доверие.

— Неужели? — Харри загасил сигарету и с силой раздавил ее в пепельнице. — А по-моему, это очередная попытка реабилитировать меня.

— Что ты имеешь в виду? — Бьярне Мёллера задело это замечание.

— Да, я знаю, вы не послушались умных советов и снова решили потащить меня в пекло после Бангкока. Я искренне благодарен вам за это. Но кем вы меня делаете на этот раз? Офицером связи? Это звучит как попытка убедить сомневающихся, что вы правы, а они — нет. Что Холе — восходящая звезда, что ему можно поручить ответственное дело и все такое.

— И что?

Бьярне Мёллер снова сел в позу «долгого разговора».

— И что? — передразнил Харри. — Если все это объясняется таким вот образом, выходит, я снова просто пешка?

Мёллер удрученно вздохнул:

— Все мы пешки, Харри. Все давно расписано. И твоя роль не хуже прочих. Постарайся, Харри, сделай милость — и мне и себе. Неужели это так сложно, черт возьми?

— Вот только я чувствую себя как лошадь на скачках. А я терпеть не могу всю эту чертову ответственность.

Харри взял в рот сигарету, но так и не зажег ее. Конечно, спасибо Мёллеру за эту услугу, но вдруг он провалит это задание — об этом Мёллер подумал? Офицер связи. Конечно, он уже давно не выпивал, но ему по-прежнему нужно все время следить за собой и осторожно проживать каждый день. Какого хрена, а разве за этим он пошел в следователи — чтобы избегать ответственности за людей? И за самого себя? Харри сжал зубами фильтр сигареты.

Из коридора донесся разговор — вроде бы возле автомата с кофе. Кажется, говорил Волер. Потом — звонкий женский смех. Должно быть, новая сотрудница.

— Черт, — сказал Харри. Че-орт — в два слога, на каждый из которых сигарета подпрыгивала у него во рту.

Мёллер, который во время раздумий Харри сидел с закрытыми глазами, теперь приоткрыл их:

— Я могу расценивать это как согласие?

Харри встал и, ни слова не говоря, вышел из кабинета.

Эпизод 8

Железнодорожный переезд у моста Алнабрю, 1 ноября 1999 года

Серая птица то пропадала, то вновь появлялась в поле зрения Харри. Поверх мушки «смит-вессона» 38-го калибра он смотрел на неподвижную спину за стеклом. Палец лежал на курке. Вчера кто-то по телевизору рассказывал о том, как медленно может тянуться время.

«Гудок, Эллен. Нажми на чертов гудок, это же агент Секретной службы».

Время тянулось медленно. Как в новогоднюю ночь перед тем, как пробьет двенадцать.

Первый мотоцикл поравнялся с билетной кассой, а краешком глаза Харри все еще видел красношейку, превратившуюся в маленькое пятнышко. Время на электрическом стуле перед поворотом рубильника.

Харри до отказа надавил на курок. Раз, другой, третий.

И время рванулось и помчалось до боли стремительно. Темное стекло на мгновение побелело и посыпалось на асфальт дождем осколков, и Харри успел увидеть исчезающую за окном руку. А потом послышался шелестящий шум дорогих американских автомобилей — и умолк.

Харри смотрел на окошко кассы. Желтые листья, поднятые кортежем, все еще кружили в воздухе и падали на грязную серую траву. Он смотрел на окошко кассы. Снова стало тихо, и на какое-то мгновение он подумал, что находится на самом обычном в Норвегии переезде, что вокруг — самый обычный осенний день, что там, вдалеке, — самая обычная станция техобслуживания. И даже в воздухе пахло обычной утренней прохладой, отсыревшей листвой и выхлопными газами. И это потрясло его: может, ничего и не было?

Он все смотрел на окошко кассы, как вдруг тревожный, настойчивый гудок «вольво» за его спиной распилит день надвое...

Огни вспыхивали в сером ночном небе, и оно было похоже на грязную парусину палатки, растянутую над этой бесчувственной голой землей. Может, русские начали наступление или просто делают вид, что начали его, — сейчас это нельзя было знать наверняка. Гюдбранн лежал на краю окопа, поджав ноги под себя, сжимая обеими руками винтовку, и, прислушиваясь к далеким, приглушенным раскатам, глядел на затухающие вспышки. Он знал, что ему с его куриной слепотой не стоит смотреть на эти вспышки, иначе можно не заметить русских снайперов, ползущих по снегу нейтральной полосы. Но он и так их не видел ни разу, только стрелял по чужой команде. Как сейчас.

— Вон он лежит!

Это был Даниель Гюдесон, единственный городской парень во всем отряде. Остальные были из мест, названия которых кончались на «-даль» — «долина». Одни долины — широкие, другие — глубокие, тенистые и безлюдные, совсем как родные места Гюдбранна. Но не Даниель! Не Даниель Гюдесон, с его высоким, чистым лбом, сверкающими голубыми глазами и белозубой улыбкой. Он был из очага прогресса.

— Шестьдесят градусов левее куста, — скомандовал Даниель.

Куста? Но ведь здесь, на изрытой бомбами земле, не было никакого куста. Нет, похоже, он там был, потому что другие выстрелили. Щелчок, выстрел, свист. Каждая пятая пуля летела, как светлячок, по параболе. След трассирующей пули. Пуля летела в темноту, но потом как будто уставала, потому что скорость быстро снижалась, и пуля мягко падала на землю. Так это, по крайней мере, выглядело. Гюдбранн подумал, что такими медленными пулями невозможно кого-нибудь убить.

— Ушел! — с досадой и ненавистью бросил кто-то. Синдре Фёуке. Его лицо почти сливалось с камуфлированной формой, узкие темные глаза вглядывались во мрак. Он был с отдаленного хутора, откуда-то из верховьев долины Гюдбрансдаль, по всей видимости, из темного уголка, куда редко заглядывало солнце, поскольку он был очень бледен. Гюдбранн не знал, почему Синдре пошел на фронт, но слышал, что его родители и оба брата состояли в партии «Национального объединения»^[6], ходили по округе с повязкой на рукаве и доносили на тех, в ком подозревали «йоссингов»^[7]. Даниель говаривал, что однажды они сами отведают кнута и натерпятя от доносчиков и всех, кто извлекает из войны выгоду.

— Ну уж нет, — ответил Даниель и прислонился щекой к прикладу винтовки. — Ни один большевистский дьявол не улизнет отсюда.

— Он знает, что мы его увидели, — сказал Синдре, — и залег в траншею.

— Ну уж нет, — повторил Даниель и прицелился.

Гюдбранн смотрел в эту серовато-белую тьму. Белый снег, белая камуфляжная форма, белые вспышки. Небо озарилось снова. По насту забежали тени. Гюдбранн снова посмотрел вверх. Красное и белое свечение над горизонтом сопровождалось далекими раскатами орудий. Ненатурально, как в кино, — если не считать тридцатиградусного мороза, и они были здесь одни, без надежды на подкрепление. Может, действительно на этот раз началось наступление?

— Ты слишком долго возишься, Гюдесон, он давно ушел. — Синдре сплюнул в снег.

— Ну уж нет, — повторял Даниель все тише и тише, все пытаясь прицелиться. И вскоре

уже из его рта не выходило ни облачка пара.

Вдруг — громкий визжащий свист, крик: «Поберегись!» — и Гюдбранн упал на обмерзлое дно окопа, закрыв голову руками. Земля содрогнулась. Градом посыпались бурые, обледеневшие комья земли. Один из них ударился о шлем Гюдбранна и упал прямо перед его лицом. Он продолжал лежать и только когда решил, что все прошло, рискнул подняться. Было тихо, шел снег, его лицо мгновенно покрылось вуалью мягких снежинок. Говорят, никогда не слышишь ту гранату, от которой погибнешь, но Гюдбранн навиделся достаточно, чтобы знать, что это не так. Вспышка озарила окоп, и он увидел бледные лица других солдат и их тени, которые в этом мятущемся свете будто ползли к нему по стенам окопа. Но где Даниель? Даниель!

— Даниель!

— Я его прихлопнул, — сказал Даниель, он все еще лежал на краю окопа.

Гюдбранн не верил собственным ушам.

— Что ты сказал?

Даниель сполз в окоп и отряхнул с себя снег и комья земли. Он широко осклабился.

— Чтобы ни одному русскому черту неповадно было стрелять по нашим. Я отомстил за Турмода, — и, чтобы не поскользнуться, уперся каблуками в край окопа.

— Ни хрена! — закричал Синдре. — Ни хрена ты не мог попасть в него, Гюдесон. Я видел, как русский исчез в той траншее.

Взгляд его маленьких глаз перебегал с одного товарища на другого, будто вопрошая, верят ли они в похвальбу Даниеля.

— Верно, — сказал Даниель. — Но через два часа рассвет, и он подумал, что ему пора вылезать оттуда.

— Вот именно, и он поторопился с этим, — поспешил сказать Гюдбранн. — И вылез с другой стороны. Так, Даниель?

— Так или не так, — ухмыльнулся Даниель. — Все равно я его пришиб.

Синдре зашипел:

— А сейчас ты захлопнешь свою болтливую пасть, Гюдесон.

Даниель пожал плечами, проверил зарядник и взял новую пригоршню патронов. Потом развернулся, вскинул винтовку на плечо, уперся носком сапога в обледенелую стену траншеи и в один прыжок вновь оказался на бруствере окопа.

— Поддай мне свою лопату, Гюдбранн.

Даниель взял лопату и встал в полный рост. Его фигура в белой зимней униформе четко вырисовывалась на фоне черного неба и вспышки, которая, словно нимбом, окружила его голову.

«Как ангел», — подумал Гюдбранн.

— Эй, ты! Какого черта?! — закричал Эдвард Мускен, командир отделения, человек уравновешенный, что редко повышал голос на «стариков» вроде Даниеля, Синдре или Гюдбранна. Доставалось в основном новичкам, когда те делали ошибки. И его окрикам многие из них были обязаны жизнью. А сейчас Эдвард Мускен смотрел на Даниеля широко раскрытым единственным глазом, который он никогда не закрывал. Даже когда спал — Гюдбранн был этому свидетелем.

— Вернись в укрытие, Гюдесон! — крикнул командир.

Но Даниель только улыбнулся, и через мгновение его уже не было, и какую-то крошечную долю секунды был виден лишь пар его дыхания. Потом вспышка за горизонтом

погасла, и снова стало темно.

— Гюдесон! — крикнул Эдвард и полез на бруствер. — Черт!

— Ты его видишь? — спросил Гюдбранн.

— Бежит к колее.

— Зачем этому придурку понадобилась лопата? — спросил Синдре и посмотрел на Гюдбранна.

— Не знаю, — ответил Гюдбранн. — Может, он будет рубить ею колючую проволоку.

— Какого лешего ему рубить колючую проволоку?

— Не знаю. — Гюдбранну не нравился пристальный взгляд Синдре — напоминал ему о другом крестьянском парне, который был здесь прежде. Тот под конец свихнулся, помочился в ботинки в ночь перед дежурством, и потом ему пришлось отрезать на ногах все пальцы. Но зато он теперь дома, в Норвегии, так что, может, он и не был сумасшедшим. Во всяком случае, у него был такой же испытующий взгляд.

— Может, он хочет пробраться на ничейную полосу, — сказал Гюдбранн.

— *Что* за колючей проволокой, я знаю. Я спрашиваю, что он там забыл.

— Может, он получил по башке гранатой, — сказал Халлгрим Дале, — и от этого сдурел?

Халлгриму Дале, самому молодому в отделении, было всего восемнадцать лет. Никто точно не знал, что заставило его записаться в солдаты. Жажда приключений, считал Гюдбранн. Дале заявлял, что восхищается Гитлером, но на деле ничего не понимал в политике. Даниель склонялся к мысли, что Дале сделал подружке ребеночка и сбежал, чтобы не жениться.

— Если русский жив, то Гюдесон не пройдет и пятидесяти метров, как схлопочет пулю, — сказал Эдвард Мускен.

— Даниель застрелил его, — прошептал Гюдбранн.

— В таком случае Гюдесона застрелит кто-нибудь еще. — Эдвард сунул руку под куртку и выудил из нагрудного кармана тонкую сигарету. — Этой ночью их там полным-полно.

Осторожно держа спичку, он чиркнул ею по сырому коробку. Со второй попытки сера вспыхнула, Эдвард зажег сигарету, один раз затянулся и передал ее дальше, не сказав ни слова. Каждый делал осторожную затяжку и быстро передавал сигарету соседу. Никто не разговаривал, казалось, все погружены в собственные мысли. Но Гюдбранн знал, что все, как и он, прислушиваются.

Десять минут прошли в полной тишине.

— Наверное, сейчас будут бомбить озеро с самолетов, — бросил Халлгрим Дале.

Все они слышали про русских, которые якобы бегут из Ленинграда по ладожскому льду. Но хуже того: целый лед Ладоги означал, что генерал Жуков может наладить снабжение окруженного города.

— Они-то там, наверное, посреди улицы от голода в обмороки падают. — Дале кивнул на восток.

Но Гюдбранн слышал все это уже много раз с тех пор, как его направили сюда год назад, а эти русские все еще лежат тут и стреляют в тебя, стоит только высунуть голову из окопа. Прошлой зимой они толпами шли к окопам, подняв руки за голову, русские дезертиры, которые решили, что с них хватит, и посчитали за лучшее перебежать на другую сторону в обмен на кусок хлеба и чуточку тепла. Но между появлениями дезертиров были большие перерывы, а те двое бедолаг-перебежчиков со впалыми глазами, которых Гюдбранн видел на

прошлой неделе, недоверчиво смотрели на них, таких же тощих и измотанных солдат.

— Двадцать минут. Он не возвращается, — сказал Синдре. — Он сдох. Он мертвый, как гнилая селедка.

— Заткнись! — Гюдбранн шагнул к Синдре, который сразу же выпрямился. Но хотя Синдре и был по меньшей мере на голову выше, было ясно, что ему вовсе не хочется драки. Он хорошо помнил, как несколько месяцев назад Гюдбранн убил русского. Кто тогда мог поверить, что в добром, осмотрительном Гюдбранне может быть столько бешенства? Русский незаметно проскользнул в их окоп через два секрета и перебил всех, кто спал в ближайших укрытиях. В одном — голландцев, в другом — австралийцев, до того, как добрался до их блиндажа. Их отделение спасли вши.

Вши у них были повсюду, но в особенности там, где тепло: под мышками, внизу живота, под коленками. Гюдбранн, лежавший ближе всех к выходу, не мог заснуть, оттого что ноги у него болели от так называемых «вшивых ран», открытых ран с пятак размером, усеянных по краям опившимися паразитами. Гюдбранн выхватил штык в тщетной попытке соскрести гадов, когда в дверях показался русский, который еще миг — и всех их перестрелял бы. Гюдбранн увидел только его силуэт, но сразу понял, что это враг, едва различив очертания поднятой винтовки Мосина. И одним этим тупым штыком Гюдбранн так искромсал русского, что, когда они вытаскивали тело наверх, крови в нем уже не было.

— Успокойтесь, парни, — сказал Эдвард и оттащил Гюдбранна в сторону. — Тебе бы поспать маленько, Гюдбранн, тебя уже час как пора сменить.

— Я пойду поищу его, — сказал Гюдбранн.

— Никуда ты не пойдешь!

— Нет, я...

— Это приказ! — Эдвард схватил его за плечо. Гюдбранн попытался было вырваться, но командир держал его крепко.

Гюдбранн заговорил высоким, дрожащим от волнения голосом:

— А вдруг он ранен?! А вдруг он просто застрял в колючей проволоке?!

Эдвард хлопнул его по плечу.

— Скоро рассвет, — сказал он. — Тогда мы все и узнаем.

Он взглянул на других солдат, в молчании наблюдавших за происходящим. Парни снова начали переминаясь с ноги на ногу и бормотать что-то друг другу. Гюдбранн видел, как Эдвард подошел к Халлгриму Далю и что-то прошептал ему на ухо. Далю выслушал его и исподлобья покосился на Гюдбранна. Гюдбранн прекрасно понимал, что это значило. Приказание не спускать с него глаз. Как-то прошел слух, что они с Даниелем больше, чем просто хорошие друзья. И этим нельзя было гордиться. Мускен тогда прямо спросил их: правда ли, что они решили дезертировать вместе? Конечно, они сказали «нет», а вот теперь Мускен решил, что Даниель воспользовался возможностью улизнуть! А теперь по плану Гюдбранн пойдет «искать» товарища, и они перейдут на ту сторону вместе. Гюдбранна разбирал смех. Разумеется, приятно было бы окунуться в далекие мечты о еде, тепле и женщинах — о чем вещал над золотистым полем боя льстивый голос из русских громкоговорителей. Но *верить* в это?

— Могу поспорить, что он не вернется, — заявил Синдре. — На три суточных пайка, ну как?

Гюдбранн вытянул руки по швам, проверяя, на месте ли штык.

— *Nicht schissen, bitte!*^[8]

Гюдбранн обернулся — с бруствера ему улыбался человек в русской солдатской ушанке, его лицо было перепачкано кровью. Потом этот человек с легкостью лыжника перемахнул через бруствер и приземлился на лед окопа.

— Даниель! — закричал Гюдбранн.

— Хей! — сказал Даниель и приподнял ушанку. — Добрый ветшер!

Остальные стояли как обмороженные и смотрели на них.

— Слушай, Эдвард, — громко сказал Даниель. — Тебе бы не мешало поработать над нашими голландцами. У них там между караулами метров пятьдесят, не меньше.

Эдвард, как и остальные, стоял молча как зачарованный.

— Ты похоронил русского, Даниель? — Лицо Гюдбранна горело от волнения.

— Похоронил его? — переспросил Даниель. — Да я даже прочел молитву и спел за упокой. А вы разве не слышали? Я уверен, было слышно аж на той стороне.

С этими словами он запрыгнул на бруствер, сел, поднял руки в небо и запел глубоким, задушевым голосом:

— Велик Господь...

Тут все расхохотались, Даниель и сам смеялся до слез.

— Ты дьявол, Даниель! — сказал Дале.

— Нет, теперь я не Даниель. Зовите меня... — Даниель снял русскую ушанку и прочитал на обратной стороне подкладки, — ...Урией. Черт, он тоже умел писать. Да, да, хотя он был и большевик. — Он снова спрыгнул с бруствера и посмотрел на товарищей. — Надеюсь, никто не против обычного еврейского имени?

На какую-то секунду воцарилась тишина, потом все утонуло в хохоте. Друзья стали наперебой хлопать Урию по спине.

Эпизод 10

Окрестности Ленинграда, 31 декабря 1942 года

На пулеметной позиции было холодно. Гюдбранн надел на себя все, что было из одежды, и все равно стучал зубами и не чувствовал пальцев рук и ног. Больше всего мерзли ноги. Он накрутил новые портянки, но это не слишком помогало.

Он пристально смотрел в пустоту. В этот вечер «Ивана» что-то не было слышно. Может, он справляет Новый год? Может, ест что-то вкусное. Баранину с капустой. Или сосиски. Гюдбранн, конечно, знал, что у русских нет мяса, но никак не мог избавиться от мыслей о еде. У них у самих не было ничего, кроме всегдашнего хлеба и чечевичной похлебки. Хлеб уже давно покрылся плесенью, но они к этому привыкли. А когда он так проплесневел, что стал разваливаться на куски, они стали кидать эти куски в похлебку.

— Все равно на Рождество нам дали сосиски, — сказал Гюдбранн.

— Тссс! — шикнул Даниель.

— Сегодня там никого нет, Даниель. Они сидят и едят котлеты из оленины. С брусникой и таким жирным, сочным соусом. И картошкой.

— Не заводи снова свою шарманку про еду. Сиди тихо и смотри, если ты что-нибудь видишь.

— Но я ничего не вижу, Даниель. Ничего.

Они вместе присели и вжали головы в плечи. На Даниеле была та самая русская ушанка. Стальной шлем с эмблемой войск СС лежал рядом. И Гюдбранн знал зачем. Шлем имел такую форму, что под его края постоянно залетал ледящий снег, к тому же с жутким свистом, который был особенно невыносим во время дежурства.

— Что у тебя с глазами? — спросил Даниель.

— Ничего. Я просто иногда плохо вижу в темноте.

— И все?

— И не различаю некоторые цвета.

— Что значит «некоторые»?

— Красный и зеленый. Я не вижу между ними разницы, они у меня сливаются. Я, например, не мог увидеть ни ягодки, когда мы по воскресеньям ходили в лес за брусникой для жаркого.

— Хватит о еде, слышишь?!

Они сидели молча. Где-то вдалеке послышалась пулеметная очередь. Термометр показывал минус двадцать пять. Прошлой зимой несколько дней подряд держалось минус сорок пять. Гюдбранн утешал себя тем, что в такой холод хоть не заедали вши, что ему не захочется чесаться, пока не кончится его смена и он не вернется в койку под шерстяное одеяло. Но эти твари переносили холод лучше, чем он. Однажды он ради интереса оставил нижнюю рубашку на снегу в мороз, и она пролежала так трое суток. Когда он потом взял ее снова и занес внутрь, она была сплошной ледышкой. Но стоило ему подержать ее над печкой, как она снова закишела этими ползучими гадами, и Гюдбранн с отвращением бросил ее в огонь.

Даниель кашлянул:

— Хм, а как вы ели это жаркое по воскресеньям?

Гюдбранн не заставил себя долго упрашивать:

— Сперва отец резал жаркое, чинно, как священник, а мы, молодые, сидели вокруг и смотрели. Потом мать клала каждому на тарелку по два куса и поливала их таким коричневым соусом, до того жирным, что ей приходилось нет-нет да перемешивать его, чтобы он совсем не застыл. А еще было много свежей, хрустящей брюссельской капусты. Ты бы надел шлем, Даниель. Что, если тебе на голову упадет осколок гранаты?

— А если целая упадет? Продолжай.

Гюдбранн закрыл глаза и расплылся в улыбке:

— На сладкое у нас было пюре из чернослива. Или американское шоколадное печенье с орехами. Но это не всегда. Их мать прихватила с собой из Бруклина.

Даниель сплюнул в снег. Обычно зимнее дежурство длилось один час, но сейчас Синдре Фёуке и Халлgrim Дале лежали в лихорадке, так что Эдвард Мускен, командир отделения, решил увеличить время до двух часов, пока оба не вернутся в строй.

Даниель положил руку Гюдбранну на плечо:

— Ты ведь скучаешь по дому? По своей матери?

Гюдбранн засмеялся и тоже сплюнул в снег, туда же, куда и Даниель, и посмотрел в небо, на замерзшие звезды. В снегу что-то зашуршало, Даниель поднял голову.

— Лиса, — коротко сказал он.

Невероятно, но даже здесь, где каждый квадратный метр был изрыт бомбежками, а мины лежали плотнее, чем камни на мостовой Карл-Юханс-гате, оставались животные. Немного, но они уже видели и зайцев и лисиц. И пару хорьков. Конечно, они пытались их подстрелить — в котел пошло бы все. Но после того, как одного немца убили, когда тот побежал за подстреленным зайцем, командование решило, что русские специально пускают зайцев перед их окопами, чтобы выманить их на ничейную полосу. Можно подумать, русские по доброй воле выпустят хоть зайца!

Гюдбранн облизнул потрескавшиеся губы и посмотрел на часы. Еще час до смены караула. Наверное, Синдре напихал табаку себе в прямую кишку, чтобы у него подскочила температура. С него станется.

— А почему вы уехали из Штатов? — спросил Даниель.

— Крах на бирже. Отца уволили из судостроительной компании.

— Вот видишь, — сказал Даниель. — Таков капитализм. Бедняки вкалывают, как сьвки, а богачи — жиреют, и не важно, идет экономика на подъем или на спад.

— Прямо как сейчас.

— Так было до этих пор, но скоро грядут перемены. Когда мы выиграем войну, Гитлер еще удивит народы. И твоему отцу больше не будет грозить безработица. Ты тоже должен вступить в «Национальное объединение». Должен.

— Ты что, правда веришь во все это?

— А ты нет?

Гюдбранну не хотелось перечить Даниелю. Он пожал плечами, но Даниель повторил вопрос.

— Конечно верю, — ответил Гюдбранн. — Но я сейчас больше думаю о Норвегии. Мы не должны пустить большевиков к нам в страну. Если они придут, нам опять придется уехать в Америку.

— В капиталистическую страну? — Голос Даниеля зазвучал еще более едко. — Чтобы видеть, как демократией заправляют богачи, и быть игрушкой в руках судьбы и коррумпированных чиновников?

— Это лучше, чем при коммунизме.

— Демократии исчерпали себя, Гюдбранн. Ты только взгляни на Европу. Англия и Франция, они уже катились к чертям задолго до того, как началась война, со всей их безработицей и эксплуататорством. В Европе есть только две сильные личности, которые могут остановить ее падение в хаос, и это Гитлер и Сталин. Вот из чего мы можем выбирать. Братский народ или варвары. И почему-то почти никто не понял, каким счастьем для нас стало то, что немцы пришли к нам раньше, чем мясники Сталина.

Гюдбранн кивнул. Ведь Даниель говорит это не просто так, у него же есть какое-то основание так говорить. И с такой убежденностью.

И тут раздался дикий грохот. Небо перед ними стало ослепительно белым, холм вздрогнул, и за вспышкой они увидели бурую землю и снег, которые, казалось, сами собой поднимались в воздух оттуда, где взрывались гранаты.

Гюдбранн уже лежал на дне окопа, обхватив голову руками, но все кончилось так же быстро, как и началось.

Он взглянул вверх, и там, на краю окопа, за пулеметом лежал Даниель и хохотал.

— Что ты делаешь? — закричал Гюдбранн. — Включи сирену, пусть все проснутся!

Но Даниель засмеялся еще громче.

— Дружище! — От смеха на его глазах проступили слезы. — С Новым годом!

Даниель показал на часы, и Гюдбранн все понял. Конечно, Даниель все это время ждал, когда русские дадут новогодний салют, а сейчас он сунул руку в снежную насыпь перед пулеметом и достал из снега бутылку с остатками коричневой жидкости.

— Бренди! — закричал он и с победным видом помахал бутылкой в воздухе. — Я берег его три месяца. Держи.

Гюдбранн уже поднялся с земли и теперь сидел и смеялся вместе с Даниелем.

— Ты первый! — сказал Гюдбранн.

— Уверен?

— Конечно уверен, дружище, ты же его сберег. Но не выпивай все!

Даниель ударил по крышке так, что она слетела, и поднял бутылку.

— На Ленинград, весной мы выпьем с тобой в Зимнем дворце! — провозгласил он и снял с себя ушанку. — А летом мы будем дома, мы будем героями нашей любимой Норвегии!

Он приложил горлышко бутылки ко рту и откинул голову назад. Темная жидкость булькала и пританцовывала. В стекле отражался свет далеких вспышек. Годы спустя Гюдбранн понял, что блики на стекле выдали их русскому снайперу. В следующее мгновение Гюдбранн услышал громкий свист, и бутылка лопнула в руках Даниеля. Посыпался дождь из бренди и осколков стекла, Гюдбранн машинально закрыл глаза. Он почувствовал что-то мокрое у себя на лице, оно стекало вниз по щекам, и он непроизвольно высунул язык и слизнул пару капель. Он почти не почувствовал никакого вкуса, только спирт и еще что-то — что-то сладкое с привкусом металла. Вязкое, должно быть, от холода, — подумал Гюдбранн и снова открыл глаза. На краю окопа Даниеля видно не было. Он, верно, упал за пулеметом, когда понял, что нас заметили, — подумал Гюдбранн, но сердце его забило тревожно.

— Даниель!

Нет ответа.

— Даниель!

Гюдбранн вскочил на ноги и подполз к брустверу. Даниель лежал на спине. Под головой у него была пулеметная лента, на лице — русская ушанка. Снег был обрызган кровью и

бренди. Гюдбранн осторожно поднял шапку. Даниель широко открытыми глазами смотрел в звездное небо. А посредине лба зияла большая черная дыра. Гюдбранн продолжал ощущать тот сладковатый металлический вкус во рту и почувствовал, что его тошнит.

— Даниель, — только и прошептал он пересохшими губами.

Гюдбранн подумал, что Даниель похож теперь на мальчишку, который собрался лепить снеговика, но вдруг лег и заснул в снегу. Всклипнув, Гюдбранн кинулся к сирене и завертел ручку. И в небо, где гасли вспышки, понесся пронзительный, жалобный вой.

«Так не должно было случиться», — вот и все, что думал Гюдбранн в эту минуту.

Уууууу-уууууу!..

Прибежали Эдвард и остальные и встали за его спиной. Кто-то прокричал его имя, но Гюдбранн не слышал, он лишь крутил и крутил ручку. Наконец Эдвард подошел и схватился за нее. Гюдбранн разжал руку и, не оборачиваясь, продолжал стоять и смотреть на край окопа и небо над ним, а на щеках у него замерзали слезы. Вой сирены становился все тише и тише.

— Так не должно было случиться, — прошептал он.

Эпизод 11

Окрестности Ленинграда, 1 января 1943 года

Когда Даниеля оттащивали, его лицо уже успело покрыться инеем: под носом, в уголках глаз и рта. Иногда убитых просто оставляли на морозе, чтобы они окоченели — так было проще их уносить. Но Даниель лежал поперек дороги, мешая тому, кто должен был сменить пулеметный расчет. Поэтому двое солдат оттащили его в сторону и положили на два пустых ящика из-под боеприпасов, отложенных для костра. Халлгрим Дале повязал мешок ему на голову, чтобы не видеть маску смерти с этой ужасной улыбкой. Эдвард уже связался с теми, кто занимался братскими могилами на участке «Север», и объяснил, где лежит Даниель. Ему обещали этой же ночью прислать двух солдат похоронной команды. По приказу командира отделения больной Синдре покинул постель, чтобы остаток смены дежурить вместе с Гюдбранном. И перво-наперво им нужно было очистить испачканный пулемет.

— Кёльн разбомбили в порошок, — сказал Синдре.

Они лежали бок о бок на краю окопа, в узкой яме, откуда им было хорошо видно ничейную полосу. Гюдбранн вдруг осознал, до чего ему неприятно находиться так близко к Синдре.

— И Сталинград — к чертям, — продолжал Синдре.

От холода Гюдбранн ничего не чувствовал: его голова и тело стали будто ватными, все происходящее вокруг уже не имело к нему никакого отношения. Единственное, что еще регистрировало сознание, — это обжигающий руки заледенелый металл и то, что пальцы никак не хотят слушаться. Он попробовал снова. Рядом на снегу, на шерстяном одеяле, уже лежали ложа и спусковой механизм пулемета, а вот с затвором было хуже. В Зеннхайме их учили брать друг у друга детали пулемета и собирать их с завязанными глазами. В Зеннхайме, в прекрасном, теплом немецком Эльзасе. Теперь все было не так, и он не чувствовал, что делают его пальцы.

— Ты слышишь? — говорил Синдре. — Русские придут и убьют нас. Как они убили Гюдесона.

Гюдбранн помнил немца, капитана вермахта, которого очень позабавил Синдре, когда сказал ему, что родом из далекого хутора под названием Тотен.

— *Toten? Wieim Totenreich?*^[9] — смеялся капитан.

Наконец крышка затвора подалась.

— Черт! — Голос Гюдбранна дрожал. — Здесь везде кровь, от нее тут все намертво смерзлось!

Он снял рукавицы, взял масленку с ружейным маслом и прижал ее к затвору. Из-за холода желтоватая жидкость стала вязкой и густой, но он знал, что маслом можно растворить кровь. Он закапывал его себе в ухо, когда у него бывал отит.

Синдре вдруг прислонился к Гюдбранну и начал ковыряться ногтем в патроне.

— Вот те на! — Он посмотрел на Гюдбранна и оскалил свои гнилые зубы. Его бледное небритое лицо было так близко, что Гюдбранн почувствовал отвратительный гнилостный запах, впрочем, все они здесь так пахнут. Синдре поднес палец к лицу. — Кто бы мог подумать, что у этого Даниеля столько мозгов, а?

Гюдбранн отвернулся.

Синдре с интересом рассматривал кончик пальца:

— Но он их не особо использовал. А то бы той ночью он не вернулся назад с ничейной полосы. Я слышал, вы хотели дать деру. Ну да, вы же были это... хорошими друзьями.

Сначала Гюдбранн не расслышал: слова будто доносились издалека. Но, когда их отзвуки достигли его, он внезапно ощутил, как по телу снова разливается тепло.

— Немцы и не думают дать нам отступить, — продолжал Синдре. — Мы здесь все передохнем, все до последнего черта. Нет, вам надо было драпать. Большевики, по крайней мере, обошлись бы не так, как Гитлер, с такими парнями, как ты и Даниель. В смысле, с такими хорошими друзьями.

Гюдбранн не отвечал. Тепло уже достигло кончиков пальцев.

— Мы решили удрать туда этой ночью, — сказал Синдре. — Халлгрим Дале и я. Пока не поздно.

Он извернулся в снегу и посмотрел на Гюдбранна.

— Чего ты боишься, Юхансен? — сказал он и снова оскалился. — На кой, по-твоему, мы сказались больными?

Гюдбранн сжал пальцы ног в сапогах. Теперь он их уже практически чувствовал. Стало тепло и хорошо. Но вместе с этим ощущалось еще кое-что.

— Ты с нами, Юхансен? — спросил Синдре.

Вши! Да, ему стало тепло, но он не чувствовал вшей! Прекратился даже свист ветра под каской.

— Так это ты распускал те слухи, — сказал Гюдбранн.

— Чего? Какие еще слухи?

— Мы с Даниелем говорили о том, чтобы уехать в Америку, а не бежать к русским. И не сейчас, а когда война закончится.

Синдре пожал плечами, посмотрел на часы и поднялся на колени.

— Попробуй только, я пристрелю тебя, — сказал Гюдбранн.

— Из чего? — спросил Синдре и кивнул на детали пулемета, разложенные на одеяле.

Их винтовки были в укрытии, и они оба прекрасно понимали, что, прежде чем Гюдбранн успеет сбегать туда и обратно, Синдре будет уже далеко.

— Оставайся тут, Юхансен, и подыхай, если охота. Передавай привет Дале и скажи, что пришла его очередь.

Гюдбранн сунул руку под куртку и достал штык. Свет луны сверкнул на потускневшем стальном лезвии. Синдре покачал головой:

— Парни вроде вас с Гюдсоном — фантазеры. Убери нож, пойдем лучше со мной. Сейчас русским по озеру подвезут провизию. Свежее мясо.

— Я не предатель, — ответил Гюдбранн.

Синдре встал.

— Если ты попытаешься заколоть меня штыком, голландцы на посту прослушивания услышат нас и поднимут тревогу. Подумай башкой. Кому из нас они скорее поверят, что он пытался предотвратить побег другого? Тебе, о ком уже ходят слухи, что ты намылился удрать, или мне, члену партии?

— Сядь обратно, Синдре Фёуке.

Синдре рассмеялся:

— Дрянной из тебя убийца, Гюдбранн. Ну, я побежал. Дай отбежать метров на пятьдесят, а уж потом поднимай тревогу, и всем будет хорошо.

Они посмотрели друг на друга. Между ними начали падать пушистые хлопья снега.

Синдре ухмыльнулся:

— Снегопад и лунный свет одновременно — редкое зрелище, а?

Эпизод 12

Окрестности Ленинграда, 2 января 1943 года

Окоп, в котором стояли четыре человека, находился в двух километрах севернее их участка фронта, как раз там, где траншея поворачивала назад и почти делала петлю. Человек с капитанскими знаками различия стоял перед Гюдбранном, переминаясь с ноги на ногу. Был снегопад, и на фуражке у капитана уже лежал приличный слой снега. Эдвард Мускен стоял рядом с капитаном и смотрел на Гюдбранна одним широко открытым глазом, другой опять был наполовину прикрыт.

— *So*, — сказал капитан. — *Er ist hinüber zu den Russen geflohen?*^[10]

— *Ja*^[11], — повторил Гюдбранн.

— *Warum?*^[12]

— *Das weiss ich nicht*^[13].

Капитан посмотрел в небо, цыкнул зубами и топнул ногой. Потом кивнул Эдварду и, буркнув что-то роттенфюреру, немецкому ефрейтору, бывшему при нем, попрощался. Снег захрустел у них под ногами.

— Вот так вот, — сказал Эдвард. Он по-прежнему смотрел на Гюдбранна.

— Да-а, — протянул Гюдбранн.

— Расследовать тут особо нечего.

— Да уж.

— Но кто бы мог подумать! — Его открытый глаз продолжал пристально и неподвижно смотреть на Гюдбранна.

— Тут постоянно дезертируют, — сказал Гюдбранн. — Если бы они расследовали каждый случай...

— Я говорю, кто бы мог подумать такое о Синдре! О том, что он выкинет что-нибудь подобное.

— Нет, но ты же видишь, — сказал Гюдбранн.

— Да, не слишком замысловато. Вот так встал и убежал.

— Конечно.

— Потом, с пулеметом промашка вышла. — Голос Эдварда был полон холодной насмешки.

— Да.

— И ты даже не смог докричаться до голландцев.

— Я кричал, но было уже слишком поздно. Было темно.

— Была луна, — сказал Эдвард.

Они посмотрели друг на друга.

— Знаешь, что я думаю? — спросил Эдвард.

— Нет.

— Нет, знаешь, по тебе же видать. За что, Гюдбранн?

— Я не убивал его, — взгляд Гюдбранна был прикован к огромному глазу Эдварда. — Я пытался отговорить его. Но он даже слушать меня не стал. Просто убежал. Что я мог поделаться?

Они стояли, наклонившись друг к другу, тяжело дыша, и пар от их дыхания тут же

уносил ветер.

— Я помню, когда в последний раз ты так выглядел, Гюдбранн. Той ночью, когда ты убил того русского у нас в блиндаже.

Гюдбранн пожал плечами. Эдвард положил ему на плечо руку в обледеневшей рукавице:

— Послушай. Синдре не был хорошим солдатом. Пожалуй, даже хорошим человеком. Но мы-то приличные люди, нам надо пытаться при всем при этом соблюдать какие-то нормы и ценности, понимаешь?

— Теперь мне можно идти?

Эдвард посмотрел на Гюдбранна. Слухи о том, что Гитлер одерживает победу далеко не на всех направлениях, стали доходить и сюда. Соответственно, увеличилось и число норвежских добровольцев, и на смену Даниелю и Синдре пришли двое мальчишек из Тюнсета. Все время новые, молодые лица. Кто-то запоминался, кого-то быстро забывали, когда он погибал. Даниеля Эдвард запомнит, он знал это наверняка. Точно так же, как и то, что очень скоро лицо Синдре сотрется из его памяти. Сотрется... Через несколько дней Эдварду-младшему исполнится два годика... Эту мысль он не стал додумывать.

— Да, ступай, — ответил он. — И береги голову.

— Конечно, — сказал Гюдбранн. — Даже спину согну.

— Помнишь, как говорил Даниель? — спросил Эдвард со странной улыбкой. — Если мы будем тут ходить согнувшись, то вернемся в Норвегию горбатыми.

Вдали раздался трескучий хохот пулемета.

Эпизод 13

Окрестности Ленинграда, 3 января 1943 года

Гюдбранн внезапно проснулся. В темноте он несколько раз сморгнул, но увидел лишь очертания досок кровати над собой. Пахло сырым деревом и землей. Он что, опять кричал во сне? Другие парни говорили, что больше не просыпаются от его криков. Он лежал, чувствуя, как постепенно успокаивается пульс. Он почесал бок: вши, наверное, никогда не спят!

Его разбудил тот же самый сон: он и сейчас еще чувствовал лапы на груди, видел в темноте желтые глаза, белые зубы хищника, с которых стекали кровь и слюна. И слышал, как кто-то тяжело дышит, будто перепуганный насмерть. Кто — он или зверь? Такой уж был этот сон: он спал, каждый раз просыпался и не мог пошевелиться. Зверь уже готовился перегрызть ему глотку, когда треск пулемета снаружи разбудил его, и он успел лишь увидеть, как зверь поднялся с одеяла и отпрыгнул к земляной стене блиндажа, но пули разорвали его в клочья. И он осел на пол, превратившись в кровавую, бесформенную, меховую массу. Хорек. А в дверной проем вошел человек: он шагнул из темноты в тонкую полоску лунного света, настолько тонкую, что она освещала лишь половину его лица. Но нынешней ночью в этом сне что-то изменилось. Дуло винтовки, как всегда, дымилось, человек, как обычно, улыбался, но посреди лба у него зияла огромная, черная воронка. Так что когда он поворачивался к Гюдбранну, сквозь дырку в голове виднелась луна.

Едва Гюдбранн почувствовал, что из открытой двери тянет холодом, он повернул голову и оцепенел, увидев у входа черный силуэт. Неужели он все еще спит? Силуэт шагнул внутрь, но было слишком темно, и Гюдбранн не мог разглядеть, кто это.

Вдруг фигура остановилась.

— Ты не спишь, Гюдбранн? — Голос был громкий и отчетливый. Говорил Эдвард Мускен. С соседних коек послышалось недовольное бормотание. Эдвард подошел вплотную к постели Гюдбранна. — Поднимайся, — сказал он.

Гюдбранн вздохнул:

— У тебя там ошибка в графике. Я только отдежурил. Сейчас должен Далек...

— Его вернули.

— Чего?

— Далек только что пришел и разбудил меня. Даниеля вернули.

— Что ты такое говоришь?

Гюдбранн видел в темноте только белесое дыхание Эдварда. Он свесил ноги с кровати и достал сапоги из-под одеяла. Он обычно клал их туда, когда спал, чтобы мокрые подошвы не обледенели. Надев куртку, которой укрывался поверх тонкого шерстяного одеяла, он встал и вышел вслед за Эдвардом. Звезды подмигивали им с высоты, но на востоке ночное небо начинало светлеть. Если не считать доносившихся откуда-то всхлипываний, вокруг было очень тихо.

— Голландские новобранцы, — объяснил Эдвард. — Только вчера прибыли, а сейчас вернулись со своей первой вылазки на ничейную полосу.

Далек стоял посреди окопа в какой-то странной позе: голова — набок, руки — растопырены. Шарф он повязал под подбородком, а исхудалое лицо и полуприкрытые, запавшие глаза делали его похожим на бездомного бродягу.

— Далек! — крикнул Эдвард. Тот очнулся. — Покажи-ка нам.

Дале шел впереди. Гюдбранн почувствовал, что сердце застучало быстрее. Мороз кусал щеки, но не мог заморозить то горячее, какое-то нереальное ощущение, оставшееся от сна. Траншея была настолько узкой, что приходилось идти друг за другом, и он чувствовал на своей спине взгляд Эдварда.

— Тут, — показал Дале.

Ветер хрипло завывал под шлемом. На ящиках с боеприпасами лежал мертвец. Руки и ноги торчали в разные стороны. Снег, который намело в окоп, белым одеялом лежал на униформе. Вокруг головы был повязан мешок.

— Дьявольщина просто. — Дале тряхнул головой и начал переминаться с ноги на ногу.

Эдвард молчал. Гюдбранн знал, что он ждет, что скажет он, Гюдбранн.

— Почему похоронщики не унесли его? — спросил наконец Гюдбранн.

— Они его *унесли*, — сказал Эдвард. — Они приходили вчера вечером.

— А зачем тогда они принесли его обратно? — Гюдбранн заметил, что Эдвард пристально смотрит на него.

— В штабе никто не приказывал приносить его обратно.

— Может быть, недоразумение? — спросил Гюдбранн.

— Может быть. — Эдвард достал из кармана тонкую недокуренную сигарету, отвернулся от ветра и осторожно зажег ее. Сделав пару затяжек, он послал ее по кругу и продолжал: — Те, кто уносил его, утверждают, что его положили в братскую могилу на участке «Север».

— Раз так, его должны были закопать?

Эдвард покачал головой:

— Их не закапывают сразу, их сначала сжигают. А сжигают днем, чтобы ночью русские не увидели огонь. К тому же ночью эти новые братские могилы открыты и не охраняются. Кто-то, верно, вытащил оттуда Даниеля ночью.

— Дьявольщина просто, — повторил Дале, взял сигарету и жадно затянулся.

— Так, значит, они сжигают трупы? — спросил Гюдбранн. — Зачем, в такой холод?

— Я знаю, — сказал Дале. — Из-за мерзлоты. Когда весной температура резко повышается, земля оттаивает и мертвецы вылезают из земли. — Он нехотя отдал сигарету. — Прошлой зимой мы похоронили Форпенеса прямо за линией обороны. А весной снова наткнулись на него. А может, лисы выкопали. Вот так вот.

— Вопрос-то не в этом, — сказал Эдвард. — Как Даниель попал сюда?

Гюдбранн пожал плечами.

— В прошлый раз дозор нес ты, Гюдбранн. — Эдвард закрыл один глаз, а другим, своим циклоповым глазом, уставился на него. Гюдбранн глубоко затянулся, медля с ответом. Дале закашлялся.

— Я четыре раза проходил мимо этого места, — ответил Гюдбранн, отдавая сигарету. — Но его тогда здесь еще не было.

— Эти следы идут поверх последних следов сапог. А ты говоришь, что проходил мимо этого места четыре раза...

— Какого черта, Эдвард! Ты и сам видишь, что Даниель лежит там! — оборвал его Гюдбранн. — Разумеется, кто-то приволок его сюда, и, скорее всего, на салазках. Но если ты слушаешь, что я тебе говорю, то поймешь, что этот кто-то притащился сюда уже *после* того, как я был здесь в последний раз.

Эдвард ничего не ответил, вместо этого он с явным раздражением выдернул оставшийся

окурок сигареты из поджатых губ Дале и с сожалением посмотрел на мокрые отметины на папиросной бумаге. Дале снял с языка приставший табак и исподлобья посмотрел на него.

— Ну скажи мне ради бога, для чего мне делать что-нибудь подобное? — спросил Гюдбранн. — И как бы я умудрился утащить труп с участка «Север» и притащить его сюда, да еще так, чтоб меня не заметили караульные?

— Ты мог идти через ничейную полосу.

Гюдбранн скептически покачал головой:

— Эдвард, ты думаешь, я больной? На кой мне труп Даниеля?

Эдвард еще два раза затянулся сигаретой, бросил окурок на землю и наступил на него сапогом. Он делал так всегда, хотя не знал зачем, — просто видеть не мог догорающие окурки. Снег заскрипел, будто застонал, когда Мускен поворачивал пятку.

— Нет, я не думаю, что ты приволок Даниеля сюда, — сказал Эдвард. — Потому что я не думаю, что это Даниель.

При этих словах Дале и Гюдбранн вздрогнули.

— Ну конечно, это Даниель, — сказал Гюдбранн.

— Или кто-то с таким же телосложением, — сказал Эдвард. — И такими же нашивками на форме.

— Мешок... — начал Дале.

— Ага, значит, ты видишь, что это не тот мешок, да? — с издевкой спросил Эдвард, но посмотрел при этом на Гюдбранна.

— Это Даниель. — Гюдбранн сглотнул. — Я узнал его сапоги.

— И ты предлагаешь нам попросить похоронную команду просто взять и снова унести его? — спросил Эдвард. — Даже не рассмотрев его поближе. На это ты и рассчитывал, не так ли?

— Иди ты к черту, Эдвард!

— После этого случая я не уверен, кто из нас двоих к нему раньше отправится, Гюдбранн. Сними с него мешок, Дале.

Дале недоуменно уставился на товарищей, глядевших друг на друга, будто два быка.

— Ты слышал?! — крикнул Эдвард. — Разрежь мешок!

— Я бы лучше не стал этого...

— Это приказ. Давай!

Дале продолжал колебаться, в нерешительности переводя взгляд с одного на другого. Потом он посмотрел на окоченевшую фигуру на ящиках с боеприпасами, пожал плечами, расстегнул камуфляжную куртку и сунул под нее руку.

— погоди! — сказал Эдвард. — Попроси Гюдбранна одолжить тебе штык.

Теперь Дале окончательно растерялся. Он вопросительно посмотрел на Гюдбранна, но тот покачал головой.

— Что ты хочешь сказать? — спросил Эдвард, по-прежнему стоя лицом к Гюдбранну. — По уставу положено носить штык, а он у тебя сегодня, что ли, не при себе?

Гюдбранн молчал.

— Ты же управляешься с этим штыком как заправский убийца, Гюдбранн, не мог же ты просто-напросто потерять его, а?

Гюдбранн по-прежнему молчал.

— Похоже на то. Ну да ладно, доставай свой, Дале.

Больше всего Гюдбранну сейчас хотелось вырвать этот огромный, буравящий глаз из

глазницы командира. Как он был похож на ту крысу роттенфюрера! Крысу, с крысиными глазами и крысиными мозгами. Неужели он ничего не понимает?

Сзади был слышен треск — трещит разрезаемая штыком мешковина — и тяжелое дыхание Дале. Они обернулись одновременно. Там, в красных лучах нового дня, отвратительно ухмыляясь, на них смотрело бледное лицо с третьим черным, зияющим глазом посреди лба. Это был Даниель, без всякого сомнения.

Эпизод 14

МИД Норвегии, 4 ноября 1999 года

Бернт Браннхёуг взглянул на часы и нахмурил лоб. Восемьдесят две секунды, он на семь секунд отстал от графика. Итак, он перешагнул порог зала заседаний, пропел бодрое северное «добрыйдень» и улыбнулся своей знаменитой белоснежной улыбкой четырем лицам, повернувшимся ему навстречу.

С одной стороны стола сидел Курт Мейрик из СБП и Ракель — у нее была та же нелепая заколка, претенциозный костюм и строгое выражение лица. Его поразило, что костюм выглядел дороговато для секретаря. Он по-прежнему полагался на свою интуицию, которая говорила ему, что она разведена, но, возможно, она была раньше замужем за состоятельным человеком. Или у нее богатые родители? То, что она вдруг снова появилась здесь, на заседании, которое, как предупредил в прошлый раз Браннхёуг, должно проходить в строжайшей секретности, указывало на то, что в СБП она занимала более значимое положение, чем ему показалось на первый взгляд. Надо разузнать о ней побольше.

С другой стороны стола сидела Анна Стёрксен вместе с этим длинным, тощим начальником отделения полиции. Как бишь его? Сначала он потратил больше восьмидесяти секунд на путь до зала заседаний, а теперь не может вспомнить имя — неужели стареет?

У него раньше и мыслей таких не появлялось, все началось прошлым вечером, а вот теперь опять! В тот раз он пригласил Лизу, молодую практикантку, на то, что он называл «сверхурочным обедом». Потом он пригласил ее на бокал вина в отель «Континенталь», где для работников МИДа была забронирована комната для встреч, требующих особой секретности. Лизу долго просить не пришлось, она была амбициозной девушкой. Но сеанс не удался. Стареет? Нет, случайность, а может, лишний бокал вина, но не старость. Браннхёуг прогнал эту мысль обратно в подсознание и сел.

— Благодарю вас за то, что вы все так быстро откликнулись и пришли сюда, — начал он. — Разумеется, незачем лишний раз подчеркивать конфиденциальный характер этой встречи, но я считаю нужным все же сделать это, так как, возможно, не у всех присутствующих здесь достаточно опыта в подобного рода делах.

Он скользнул взглядом по всем, кроме Ракели, тем самым намекая, что последнее замечание относилось именно к ней. Потом повернулся к Анне Стёрксен:

— Ну, как там этот ваш человек?

Начальник полиции посмотрела на него с легким недоумением.

— Этот ваш *полицейский*? — поспешил исправиться Браннхёуг. — Кажется, его зовут Холе?

Она кивнула Мёллеру, которому пришлось пару раз откашляться, прежде чем начать говорить.

— Вообще, все вроде как в порядке. То есть он, конечно, испытал потрясение. Но... да, — он пожал плечами, будто показывая, что ничего более существенного к сказанному не прибавишь.

Браннхёуг поднял недавно начесанную бровь:

— Я надеюсь, из-за этого его потрясения не произойдет утечка информации?

— Ну, — сказал Мёллер. Боковым зрением он увидел, как начальник полиции быстро повернулась к нему. — Я бы не стал так думать. Он понимает всю деликатность дела. И

конечно, его проинструктировали по поводу неразглашения.

— То же самое касается и других сотрудников полиции, которые тогда были там, — поспешила добавить Анна Стёрксен.

— Тогда будем надеяться, что все под контролем, — сказал Браннхёуг. — А теперь позвольте мне сообщить вам последние новости касательно этой ситуации. Я только что говорил по этому поводу с американским послом и думаю, что могу с уверенностью сказать: мы сошлись во мнениях по поводу самых главных пунктов по этому трагическому делу.

Он окинул взглядом всех присутствующих. Те смотрели на него в напряженном ожидании, — ждали, что скажет им он, Бернт Браннхёуг. От прежнего уныния не осталось и следа.

— Посол сказал мне, что состояние того агента Службы безопасности американского президента, которого ваш человек, — он кивнул Мёллеру и начальнику полиции, — подстрелил у переезда, стабильное и сейчас не вызывает никаких опасений за его жизнь. У него поврежден позвоночник, есть внутреннее кровотечение, но его спас бронезилят. Сожалею, что нам не удалось выяснить это раньше, но по понятным причинам обмен информацией по данному вопросу сведен к минимуму. Допустимы лишь необходимые разъяснения в пределах узкого круга вовлеченных лиц.

— А где он? — задал вопрос НОП.

— А это вам вовсе незачем знать, Мёллер.

Он посмотрел на Мёллера, тот изменился в лице. На секунду в комнате повисла гнетущая тишина. Всегда неприятно, когда кому-то приходится напоминать, что тебе не следует знать больше, чем требуется для работы. Браннхёуг улыбнулся и сочувственно развел руками, будто хотел сказать: «Я понимаю, вам любопытно, но такова жизнь». Мёллер кивнул и устался в стол.

— О'кей, — сказал Браннхёуг. — Я могу только добавить, что после операции его перевезут самолетом в госпиталь в Германии.

— Ясно. — Мёллер почесал затылок. — Э-э...

Браннхёуг молчал.

— Я имею в виду, ведь хорошо было бы, если бы Холе узнал об этом? В смысле, что секретный агент выжил. Это сделало бы положение... э-э... легче для него.

Браннхёуг посмотрел на Мёллера. Не совсем понятно, к чему тот клонит.

— Было бы хорошо, — согласился он.

— А о чем вы там сошлись во мнениях с американским послом? — вдруг спросила Ракедь.

— Я как раз собираюсь к этому перейти, — поспешно ответил Браннхёуг. Это действительно был следующий пункт, но ему не нравилось, когда его так обрывают. — Но прежде я хотел бы отметить оперативность Мёллера и полиции Осло. Если верить отчетам, агента доставили в больницу за каких-то двенадцать минут.

— Холе и его коллега, Эллен Йельтен, отвезли его в акерскую поликлинику, — сказала Анна Стёрксен.

— Они сработали на удивление быстро, — заметил Браннхёуг. — Это мнение разделяет и американский посол.

Мёллер и Стёрксен обменялись взглядами.

— Посол также переговорил со Службой охраны президента: американская сторона не будет возбуждать уголовного дела. Разумеется.

— Разумеется, — согласился Мёллер.

— Мы также сошлись во мнении о том, что вина в основном лежит на американской стороне. Этот агент вообще не должен был находиться в билетной кассе. То есть он должен был — но об этом, разумеется, нужно было сообщить норвежскому офицеру связи. Норвежский полицейский, который держал пост на том участке, куда проник этот агент, и который должен был — простите, мог — передать об этом офицеру связи, вел себя в соответствии с тем, что агент предъявил ему удостоверение. В приказе сказано, что секретные агенты имеют доступ ко всем участкам безопасности, поэтому полицейский не считал нужным сообщать об этом дальше по цепочке. Сейчас мы видим, что ему все же следовало это сделать.

Он посмотрел на Анну Стёрксен — она не выказала никаких возражений.

— Хорошая новость заключается в том, что, судя по всему, инцидент не повлек за собой никаких серьезных последствий. Между тем я собрал вас не для того, чтобы обсуждать, что мы должны делать, если события пойдут по наилучшему сценарию. Это немногим лучше, чем сидеть сложа руки. Поэтому давайте отвлечемся от наилучшего сценария. Потому что наивно было бы полагать, что об этом досадном случае не узнают — рано или поздно.

Он рубил ладонями воздух, будто разбивая предложения на удобоваримые куски.

— Кроме двадцати человек в СБП, МИДе и координационной группе, об этом деле знают также около пятнадцати полицейских, которые были свидетелями происшедшего у переезда. Я не хочу говорить ничего плохого о них — они, конечно, соблюдают свои обязательства по неразглашению. В общем. Но они простые полицейские, у них нет опыта поддержания той степени секретности, которая требуется в данном случае. Кроме того, в курсе этого происшествия сотрудники Главного госпиталя, Службы воздушного сообщения, компании «Фьеллинъен» и отеля «Плаза» — и все они в той или иной степени могли что-то заподозрить. У нас также нет никакой гарантии, что никто не наблюдал за кортежем в подзорную трубу из окна какого-нибудь расположенного поблизости здания. Достаточно кому-нибудь из тех, кто хоть как-то со всем этим связан, сказать хоть слово, и...

Он надул щеки и с шумом выдохнул, изображая взрыв.

За столом стало тихо, потом Мёллер откашлялся:

— А почему это так... э-э... опасно, если все всплывет наружу?

Браннхёуг кивнул, будто показывая, что это не самый идиотский вопрос, который он слышал в своей жизни, но Мёллера это сразу же убедило в обратном.

— Соединенные Штаты Америки для нас — несколько больше, чем просто союзник, — начал Браннхёуг с едва заметной улыбкой. Он сказал это с такой интонацией, с какой иностранцам объясняют, что в Норвегии правит король, а столица называется Осло. — В 1920 году Норвегия была одной из беднейших стран Европы. Такой бы она, очевидно, и оставалась, если бы не помощь США. Забудьте всю болтовню, которую мы слышим от политиков. Эмиграция, помощь по плану Маршалла, Элвис и финансирование всей этой авантюры с нефтью сделали Норвегию, пожалуй, самой проамериканской страной в мире. Каждый из здесь присутствующих долго работал, чтобы достичь нынешних карьерных высот. Но если случится, что кто-нибудь из наших политиков узнает, что кто-то из людей в этой комнате допустил, чтобы жизнь американского президента подвергалась опасности...

Оставшаяся часть предложения повисла в воздухе, а сам Браннхёуг окинул взглядом стол.

— К счастью для нас, — добавил он, — американцы считают, что лучше признать

ошибку какого-нибудь своего секретного агента, чем невозможность в целом сотрудничать с одним из своих ближайших союзников.

— Это значит, — сказала Ракель, не отрывая взгляда от блокнота, лежащего перед ней на столе, — что нам вовсе не нужно искать норвежского козла отпущения.

Она подняла глаза и посмотрела прямо на Браннхёуга:

— Напротив, нам нужно найти норвежского героя. Не так ли?

Браннхёуг посмотрел на нее с удивлением и интересом одновременно. С удивлением — потому что она так быстро поняла, что ему нужно, а с интересом — потому что ему стало абсолютно ясно, что уж с ней-то нужно считаться.

— Верно. Когда вся эта история о том, как норвежский полицейский пристрелил секретного агента, выйдет наружу, у нас уже должна быть готова своя версия, — сказал Браннхёуг. — И по этой версии, с нашей стороны не было допущено ничего предосудительного, наш офицер связи действовал по инструкции, а вся вина лежит на агенте службы охраны. Эта версия устроит как нас, так и американцев. Наша задача — в том, чтобы заставить журналистов поверить в это все. И в связи с этим...

— ...нам нужен герой, — закончила Анна Стёрксен. Она кивнула в знак того, что теперь и она понимает, о чем речь.

— Пардон, — подал голос Мёллер. — Я тут, получается, единственный, кто не понимает, в чем штука.

— Ваш полицейский проявил недюжинную сноровку, когда президенту угрожала потенциальная опасность, — сказал Браннхёуг. — Ведь если бы тот человек в билетной кассе хотел совершить покушение, по инструкции следовало броситься спасать президента. Что и было сделано. И то, что тот человек, как выяснилось, вовсе не собирался стрелять в президента, дела не меняет.

— Разумно, — сказала Анна Стёрксен — В подобных ситуациях прежде всего нужно соблюдать инструкцию.

Мейрик ничего не ответил, но согласно кивнул.

— Хорошо, — продолжал Браннхёуг. — «Штука» — как вы выразились, Бьярне, — состоит в том, чтобы убедить прессу, наше руководство и всех, кто связан с этим делом, что мы ни на секунду не сомневаемся в том, что наш офицер связи поступил правильно. «Штука» в том, что мы уже сейчас должны вести себя так, будто он совершил подвиг.

Браннхёуг посмотрел на Мёллера — тот был в замешательстве.

— Не представить его к награде немедленно — значит уже наполовину признать, что ему не следовало стрелять, а соответственно признать и то, что вся система безопасности дала сбой во время визита президента.

Присутствующие закивали.

— Ergo^[14], — сказал Браннхёуг. Он любил это словечко. Оно было похожим на мощное оружие, почти непобедимое. Когда он произносил его, ему казалось, что его устами сама логика говорит: «Из этого следует...»

— Ergo, мы должны дать ему медаль? — снова встряла Ракель.

Браннхёуг почувствовал раздражение. Она так сказала «медаль», как будто они сейчас занимались тем, что писали сценарий комедии, где только приветствовались всевозможные забавные предложения. Его план — комедия?!

— Нет, — тихо и решительно ответил он. — Не медаль. Медали и прочие награды такого рода достаются слишком легко, это недостаточно надежный выход. — Он откинулся на

спинку стула, заложив руки за голову. — Давайте повысим парня в должности. Назначим его инспектором.

Последовала долгая пауза.

— Инспектором? — Бьярне Мёллер по-прежнему недоверчиво смотрел на Браннхёуга. — За то, что он подстрелил секретного агента?

— Может быть, это звучит немного странно, но подумайте хорошенько.

— Это... — Мёллер моргнул, и выглядело это так, будто он хотел сказать длинную речь, но передумал и решил промолчать.

— Может, не стоит наделять его всеми полномочиями инспектора, — услышал Браннхёуг голос начальника полиции. Она говорила осторожно, тщательно подбирая слова. Будто вдевает нитку в иголку, подумал Браннхёуг.

— Мы и об этом подумали, Анна, — ответил он с легким ударением на имени. В первый раз он обратился к ней не по фамилии. Одна из ее бровей слабо шевельнулась, но иных выражений недовольства он не заметил. — Проблема в том, что если все коллеги этого вашего меткого полицейского узнают об этом назначении, а потом о том, что эта должность просто номинальная, легче нам не будет. То есть мы постоянно будем на взводе. Едва они заподозрят неладное, сразу же поползут слухи, и, конечно, все будет выглядеть, будто мы просто пытаемся скрыть, что мы — вы — этот полицейский — крепко влипли. Другими словами, мы должны дать ему такую должность, чтобы быть на сто процентов уверенными в том, что никто не будет знать наверняка, чем он, собственно, занимается. Иначе говоря: повышение вместе с переводом в закрытое от других место.

— Закрытое место. Никто не будет знать наверняка... — криво улыбнулась Ракель. — Звучит так, будто вы решили посадить его в клетку, Браннхёуг.

— А что скажешь ты, Курт? — спросил Браннхёуг.

Курт Мейрик почесал за ухом и тихо засмеялся.

— А что? — сказал он. — Уж место инспектора-то мы ему небось подыщем.

Браннхёуг кивнул:

— Было бы очень хорошо.

— Ну, надо же помогать друг другу, когда можно.

— Замечательно, — широко улыбнулся Браннхёуг и посмотрел на настенные часы, давая понять, что встреча окончена. Заскрипели стулья.

Эпизод 15

Санктхансхёуген, 4 ноября 1999 года

«*Tonight we're gonna party like it's nineteen ninety-nine!*»^[15]

Эллен бросила взгляд на Тома Волера, который только что поставил кассету и включил звук так громко, что на басах панель дрожала. А пронзительный фальцет певца просто резал уши.

— Не мешает? — спросил Том, пытаясь перекрычать музыку. Эллен не хотелось его обижать, и она только кивнула. Она не то чтобы боялась нечаянно обидеть Тома Волера, просто ей не хотелось с ним конфликтовать попусту. Хотелось надеяться, что скоро тандем «Том Волер — Эллен Йельтен» распадется. Во всяком случае, шеф Бьярне Мёллер сказал, что это носит временный характер. Все знали, что к весне Том получит очередное повышение и станет инспектором.

— Пидор нигер! — прокричал Том. — И поет соответственно.

Эллен не ответила. Шел такой сильный дождь, что, несмотря на включенные дворники, на лобовом стекле патрульной машины все равно лежала пелена воды, отчего очертания домов по улице Уллеволсвейен расплывались, словно мираж. Сегодня с утра Мёллер послал Тома и Эллен разыскать Харри. Они приходили к нему домой на Софиес-гате и выяснили, что в квартире его нет. Или он не захотел им открыться. Или не смог. Этого Эллен боялась больше всего. Она смотрела, как люди бегут туда-сюда по тротуару. Их фигуры тоже казались причудливыми, искаженными, как в кривом зеркале.

— Давай налево и здесь остановись, — сказала она. — Ты можешь подождать меня в машине.

— С удовольствием, — сказал Волер. — Терпеть не могу алкашей.

Она искоса посмотрела на него, но по выражению лица нельзя было понять, кого он имеет в виду: утренних посетителей ресторана «Шрёдер» в общем или Харри в частности. Он остановился у автобусной остановки, так что, когда Эллен выходила, она заметила, что через дорогу уже построили кафе-бар. А может, он давно уже там был, просто она не замечала. На табуретах вдоль больших окон сидели молодые люди в свитерах с высокими воротниками и читали иностранные журналы или просто смотрели на дождь, держа в руках белые кофейные чашки и, наверное, размышляя, ту ли они подобрали мебель, тот ли выбрали институт, того ли человека любят, в тот ли клуб ходят, в том ли городе Европы живут.

В дверях «Шрёдера» она столкнулась с мужчиной в толстом вязаном свитере. Алкоголь успел уже обесцветить когда-то голубые глаза, ладони были огромные, как сковороды, и черные от грязи. Когда он, шатаясь, проходил мимо, Эллен обдало сладковатым запахом пота и перегара. Внутри ресторана была спокойная утренняя атмосфера. Заняты только четыре столика. Эллен бывала здесь раньше, очень давно, но, как видно, с той поры ничего не изменилось. На стенах висели пейзажи старого Осло, и это, вместе с коричневыми стенами и стеклянным потолком, придавало заведению некоторое сходство с английским пабом. Откровенно говоря, очень небольшую. Диваны и дешевые пластиковые столы делали его больше похожим на курительную комнату на пассажирском пароходе. В конце зала, опершись на стойку, стояла официантка и курила, без всякого интереса разглядывая Эллен. В самом дальнем углу, у окна, сидел понурый Харри. Перед ним стоял пустой поллитровый пивной бокал.

— Привет, — сказала Эллен и села напротив.

Харри посмотрел на нее и кивнул. Будто все это время сидел и ждал ее. Потом снова опустил голову.

— Мы все пытались тебя найти. Заходили к тебе домой.

— Я был дома? — спокойно и без улыбки спросил он.

— Не знаю. Ты сейчас дома, Харри? — Она кивнула на бокал.

Он пожал плечами.

— Он выживет, — заметила она.

— Я слышал. Мёллер опять оставил мне сообщение на автоответчик. — Речь у Харри была на удивление внятная. — Он, правда, не сказал, насколько опасна рана. Там ведь множество нервов вроде бы?

Он склонил голову набок, Эллен молчала.

— Может, он просто останется парализиком. — Харри щелкнул по пустому бокалу. — Сколь!^[16]

— Твой больничный будет готов завтра, — сказала Эллен. — И мы снова ждем тебя на работе.

Он быстро поднял голову:

— А я на больничном?

Эллен бросила на стол тонкую пластиковую папку. Изнутри выглядывал краешек розовой бумаги.

— Я говорила с Мёллером. И доктором Эуне. Возьми себе копию этого больничного листа. Мёллер говорит, что после того как застрелишь кого-нибудь на работе, требуется несколько дней, чтобы прийти в себя. Просто приходи завтра.

Он отвернулся и посмотрел на окно с цветными рифлеными стеклами. Должно быть, это в целях осторожности: чтобы посетителей нельзя было увидеть с улицы. В отличие от кафе-бара напротив, подумала Эллен.

— Ну? Ты придешь? — спросила она.

— Знаешь... — Он посмотрел на нее тем затуманенным взглядом, которым глядел каждое утро после возвращения из Бангкока. — Я бы не стал загадывать.

— Все равно приходи. Тебя ждет парочка прикольных сюрпризов.

— Сюрпризов? — Харри мягко рассмеялся. — И что же это, хотел бы я знать? Досрочный выход на пенсию? Почетная отставка? Или президент хочет наградить меня орденом Пурпурного Сердца?

Он поднял голову, и на этот раз Эллен заметила, что глаза у него налились кровью. Она вздохнула и повернулась к окну. За рифлеными стеклами скользили бесформенные автомобили, как в каком-то психоделическом фильме.

— Зачем ты себя изводишь, Харри? Ты знаешь — и я знаю — и все знают, что ты не виноват! Даже в Службе безопасности согласились, что это по их вине нас не проинформировали. И что мы — что ты все сделал правильно.

Харри ответил тихо, не глядя на нее:

— Ты думаешь, его семья скажет то же самое, когда он приедет домой в инвалидном кресле?

— О господи, Харри! — повысила голос Эллен. Уголкем глаза она видела, что официантка за стойкой разглядывает их все с большим интересом. Наверное, в ожидании крупной ссоры. — Всегда есть кто-то, кому не повезло, кто оказался крайним. Харри, это

так, и в этом нет ничьей вины. Ты знаешь, что ежегодно гибнет шестьдесят процентов лесных зверушек? Шестьдесят процентов! Харри, да если остановиться и начать об этом думать, то, прежде чем до чего-то додумаешься, сам угодишь в эти шестьдесят процентов!

Харри не отвечал, просто сидел и кивал головой, глядя на клетчатую скатерть, кое-где прожженную сигаретами.

— Я буду себя потом ненавидеть за то, что я сказала это, Гарри, но ты сделал бы мне большое личное одолжение, если бы завтра пришел на работу. Только попробуй мне перечить, и я перестану с тобой разговаривать. Ты будешь бояться дыхнуть на меня. Понял?

Харри ткнул мизинцем в одну из черных дырок на скатерти. Потом подвинул стакан на другую. Эллен ждала.

— Там, в машине, что ли, Волер сидит? — спросил Харри.

Эллен кивнула. Она прекрасно знала, как эти двое не любят друг друга. Ее посетила идея, и, немного поколебавшись, Эллен решила попытаться счастья:

— Вообще-то он поспорил на две сотни, что ты не появишься.

Харри снова мягко рассмеялся. Потом снова поднял голову и, подперев ее руками, посмотрел на Эллен.

— Не умеешь ты врать, Эллен. Но спасибо, что хоть пытаешься.

— А ну тебя к черту.

Она сделала вдох, чтобы что-то еще сказать, но передумала. Посмотрела на Харри долгим взглядом, затем опять глубоко вздохнула:

— Ладно. Вообще-то это должен был тебе сказать Мёллер, но скажу я. Тебя хотят сделать инспектором СБП.

Харри расхохотался. Его смех был громким, как рев «кадиллака».

— О'кей, немного тренировки, и врать ты, пожалуй, научишься.

— Но это правда!

— Это бред. — Его взгляд снова стал блуждать по окну.

— Почему? Ты у нас один из лучших следователей, ты уже проявил себя чертовски способным полицейским, ты изучал право, ты...

— Я говорю, это бред. Даже если кому-то в голову вдруг придет такая идиотская идея.

— Но почему?

— По очень простой причине. Разве шестьдесят процентов этих — как их там, этих птичек? — Он отодвинул скатерть со стаканом на край стола.

— Они называются завирушки, — сказала она.

— Вот-вот. От чего они тамдохнут?

— От голода. Хищников. Мороза. Измождения. Кто-то, может, разбивается о стекло. Все возможно.

— О'кей. Но я готов спорить на что угодно — никому из них не стрелял в спину норвежский полицейский, у которого нет лицензии на ношение оружия, потому что он не сдал стрельбы. А такого полицейского надо судить и посадить в одно местечко на срок от года до трех. Не сильно смахивает на повышение по службе, а?

Он поднял бокал и со стуком поставил его на стол рядом с краем скатерти.

— Какие стрельбы? — невозмутимо спросила Эллен.

Он пристально посмотрел на нее. В ответ она поглядела на него абсолютно честными глазами.

— Что-что? — переспросил он.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, Харри.

— Ты прекрасно знаешь, что...

— Я прекрасно знаю, что в этом году ты проходил стрельбы. Это знает и Мёллер. Он даже ездил сегодня узнавать это у инструктора по стрельбе. Они все сверили и выяснили, что ты показал превосходные результаты. Знаешь ли, в СБП не назначали бы человека инспектором, если он застрелил секретного агента, не имея при себе лицензии.

Она широко улыбнулась Харри. Тот от удивления даже немного протрезвел.

— Но у меня нет никакой лицензии!

— Да нет, ты ее просто куда-то подевал. Но она найдется, Харри, обязательно найдется!

— Нет, ты послушай, я...

Он внезапно замолчал и посмотрел на пластиковую папку перед собой. Эллен поднялась.

— Ну что, увидимся завтра в девять, инспектор?

У Харри хватило сил только молча кивнуть в ответ.

Эпизод 16

Гостиница «Рэдиссон САС», площадь Хольбергс-пласс, 5 ноября 1999 года

У Бетти Андресен были светлые кудрявые волосы, как у Долли Партон^[17], похожие на парик. Это не был парик, и вообще волосами все сходство с Долли Партон и ограничивалось. Бетти Андресен была высокой и стройной, и, когда она улыбалась, как сейчас, ее верхняя губа слегка приподнималась, чуть-чуть обнажая зубы. Сейчас эта улыбка адресовалась пожилому мужчине по другую сторону стойки в холле гостиницы «Рэдиссон САС» на Хольбергс-пласс. Собственно стойки — в привычном понимании этого слова — не было; это был один из нескольких многофункциональных «островков», оснащенный мониторами, что позволяло обслуживать нескольких посетителей одновременно.

— Мы рады вас приветствовать этим утром, — сказала Бетти Андресен. В школе гостиничного сервиса их учили акцентировать время суток, здороваясь с клиентами. Соответственно еще час назад она говорила: «этим ранним утром», через час будет говорить — «в этот полдень», через шесть часов — «в этот вечер», а еще через два часа — «этим поздним вечером». А потом поедет домой, в двухкомнатную квартиру на Турсхов, мечтая о том, чтобы было кому сказать: «Спокойной ночи».

— Я бы хотел посмотреть номер, и чем выше этажом, тем лучше.

Бетти Андресен перевела взгляд на мокрое пальто посетителя. На улице лило как из ведра. С полей его шляпы свисала дрожащая капля.

— Хотите *посмотреть*?

Бетти Андресен продолжала улыбаться. Она научилась неукоснительно придерживаться принципа, что всех нужно считать гостями до тех пор, пока не доказано обратное. Но так же хорошо она понимала и то, что сейчас перед ней стоял типичный представитель вида «старик-который-приехал-в-столицу-и-хочет-насладиться-видом-из-окна-гостиницы-и-не-платить-за-это». Они постоянно появлялись здесь, особенно летом. И не только для того, чтобы полюбоваться видом. Как-то раз одна дама попросила показать ей номер люкс на 22-м этаже, чтобы потом описывать его, рассказывая подругам о том, где она жила. Она даже предложила Бетти пятьдесят крон за то, чтобы та занесла ее в гостевую книгу в качестве подтверждения рассказа.

— Номер на одного или на двоих? — спросила Бетти. — Для курящих или нет?

Тут большинство обычно начинает нервничать.

— Это не так важно, — сказал старик. — Главное — это вид. Я бы хотел, чтобы окна выходили на юго-запад.

— Да, тогда вам будет виден весь город.

— Именно так. Так какой номер у вас самый лучший?

— Самый лучший — естественно, люкс, но подождите, пожалуйста, я посмотрю, нет ли у нас свободного номера подешевле.

Она пощелкала по клавиатуре, ожидая, пока он заглохнет приманку. Много времени на это не потребовалось.

— Я бы хотел посмотреть этот номер.

Конечно, ты бы хотел, подумала она. Она посмотрела на старика. Бетти Андресен не

любила спорить. И если самое заветное желание старика — полюбоваться видом из окна гостиницы «САС» — не стоит ему в этом отказывать.

— Пойдемте посмотрим, — сказала она и улыбнулась самой очаровательной своей улыбкой, которую обычно берегла для постоянных гостей.

— Должно быть, вы приехали в Осло по чьему-то приглашению? — вежливо, безо всякого интереса спросила она, заходя в лифт.

— Нет, — ответил старик. У него были седые кустистые брови, такие же, как у ее отца.

Бетти нажала на кнопку, двери плавно закрылись, и лифт понесся вверх. Бетти никак не могла привыкнуть к этому, ей казалось, что ее засасывает в небо. Потом двери плавно раскрылись, и она по привычке немного подождала, будто собиралась войти в новый, непохожий мир, как та сказочная девочка, которую смерч занес в волшебную страну. Но мир всякий раз оказывался старым и самым обычным. Они шли по коридору, оклеенному обоями под цвет ковра и дорогих нудных картин на стенах. Она вставила ключ в замочную скважину и любезно открыла дверь старику, который прошел мимо с выражением лица, в котором она прочла предвкушение.

— Площадь номера люкс составляет сто пять квадратных метров, — сказала Бетти. — В номере две спальни, в каждой стоит кровать king-size^[18], и две ваннные комнаты, в каждой имеется джакузи и проведен телефон.

Она вошла в гостиную, где старик уже стоял и глядел в окно.

— Мебель с авторским знаком датского дизайнера Поула Хенриксена, — сказала она, проводя рукой по тонкой стеклянной крышке стола. — Может, вы хотите осмотреть ваннные?

Старик не ответил. Он все еще не снял свою мокрую шляпу, и в этой тишине было слышно, как с нее на паркет вишневого дерева падают капли. Бетти встала рядом с ним. Отсюда им было видно все, что заслуживает хоть какого-то внимания: ратуша, Национальный театр, Королевский дворец, здание стортинга^[19] и крепость Акерсхус. Под ними был Дворцовый парк, где деревья тянулись в стальное небо, растопырив свои черные скрюченные пальцы.

— Вам лучше было бы прийти сюда весенним днем, — сказала Бетти.

Старик повернул голову и непонимающе посмотрел на нее, и вдруг до нее дошло, что именно она сказала. Ей еще не хватало добавить: «Раз уж ты пришел сюда, только чтобы посмотреть в окно».

Она улыбнулась так мило, как только смогла.

— Когда трава зеленая и на деревьях в Дворцовом парке распустятся листья. Это очень красиво.

Он смотрел на нее, но казалось, что его мысли где-то далеко.

— Это верно, — наконец сказал он. — На деревьях листья, об этом я не подумал. — Он указал на окно: — Это можно открыть?

— Только чуть-чуть, — сказала Бетти, радуясь возможности сменить тему разговора. — Поверните вон ту ручку.

— Почему только чуть-чуть?

— Чтобы ни у кого не возникло разных глупых мыслей.

— Глупых мыслей?

Она мельком посмотрела на него. Что, у этого старика уже совсем плохо с головой?

— Выпрыгнуть из окна, — объяснила она. — Совершить самоубийство. Ведь многие несчастные люди...

Она сделала движение рукой, показывая, что именно делают несчастные люди.

— Значит, по-вашему, это глупая мысль? — Старик потер подбородок. Ей показалось или она увидела в его морщинах намек на улыбку? — Даже если человек несчастен?

— Да, — уверенно сказала Бетти. — Во всяком случае, у нас в гостинице. И в мое дежурство.

— «В мое дежурство», — усмехнулся старик. — Это хорошо, Бетти Андресен.

При звуке своего имени она вздрогнула. Он, разумеется, видел у нее на груди значок администратора. Значит, во всяком случае, со зрением у него нет проблем: ее имя было написано настолько же маленькими буквами, насколько крупными — слово «АДМИНИСТРАТОР». Она демонстративно посмотрела на часы.

— Да, — продолжал он. — У тебя ведь полно других дел, кроме того, чтобы показывать вид из окна.

— Да, дел достаточно, — ответила она.

— Я беру его, — сказал он.

— Простите?

— Я беру этот номер. Не на эту ночь, но...

— Вы берете номер?

— Да. Его же можно снять, не так ли?

— Э-э, да, но... он слишком дорогой.

— Я охотно заплачу вперед.

Старик вынул из внутреннего кармана бумажник и достал из него кучу банкнот.

— Нет, нет, я не в этом смысле. Просто он стоит семь тысяч крон за одну ночь. Хотите лучше посмотреть...

— Мне нравится этот номер, — сказал старик. — Пересчитай их на всякий случай, будь так добра.

Бетти посмотрела на тысячные банкноты, которые он ей протягивал.

— Вы можете оплатить все, когда приедете, — сказала она, — э-э, а когда вас...

— Как ты и советуешь, Бетти. Одним весенним днем.

— Хорошо. Какая-нибудь конкретная дата?

— Разумеется.

Эпизод 17

Полицейский участок, 5 ноября 1999 года

Бьярне Мёллер вздохнул и выглянул в окно. Мысли улетали куда-то прочь — в последнее время он стал замечать это за собой все чаще. Дождь перестал, но небо по-прежнему нависало над зданием полиции участка Грёнланн низким свинцовым сводом. На улице по бурому, безжизненному газону ковыляла собака. В Бергене одно место НОП было вакантным. Срок заявки истекал на следующей неделе. Он слышал от одного тамошнего коллеги, что в Бергене обычно за всю осень дождь идет всего лишь два раза. С сентября по ноябрь и с ноября до Нового года. Вечно они преувеличивают, эти бергенцы. Он там бывал сам, и город ему понравился. Там, в отличие от Осло, нет ни намека на политику, и сам город маленький. Мёллеру нравилось все маленькое.

— А? — Он повернулся и увидел безнадежный взгляд Харри.

— Вы хотели объяснить мне, что я должен счесть за благо, что меня переводят.

— А?

— Это ваши слова, шеф.

— А, да. Да. Мы должны свыкнуться с тем, что не всегда будем плыть одним и тем же течением, жить одной рутинной. Мы живем, а значит, развиваемся. И идем дальше.

— Дальше и дальше. СБП — аж тремя этажами выше в этом здании.

— Нет, дальше не в этом смысле. Шеф СБП, Мейрик, считает, что ты идеально подошел бы на ту должность, которую тебе там приготовили.

— А нельзя об этой должности рассказать как-нибудь попонятнее?

— Не задумывайся над этим, Харри.

— Ну да, конечно, а могу я задуматься над тем, почему вообще там, в СБП, решили, что я им нужен? Я что, похож на шпиона?

— Нет-нет.

— Нет?

— Я хотел сказать, да. То есть не да, но... почему нет?

— Почему нет?

Мёллер с силой почесал затылок. Его лицо побагровело от злости.

— Черт, Харри, мы предлагаем тебе место инспектора, зарплату в пять раз больше, никаких ночных дежурств и капельку уважения от наших сопляков. Что тебя не устраивает, Харри?

— Я люблю ночные дежурства.

— Никто их не любит!

— А почему бы не сделать меня инспектором здесь?

— Харри! Окажи мне услугу и просто скажи «да».

Харри повертел в руках бумажный стаканчик.

— Шеф, — сказал он. — Сколько мы уже знаем друг друга?

Мёллер предупреждающе поднял указательный палец.

— Не надо. Вот только не начинай: «Мы прошли вместе через огонь и воду...»

— Семь лет. И семь лет я допрашиваю людей, вероятно, самых тупых в этом городе, но все равно никто из них не врал мне хуже, чем вы. Я, наверное, дурак, но у меня еще осталась пара серых клеточек в голове, и они работают на всю катушку. И они подсказывают мне, что

послужной список к этому повышению никакого отношения не имеет. А еще вдруг оказывается, что в этом году на стрельбах я показал лучший результат во всем отделе! И сделал это, угрохав агента Секретной службы. И не надо ничего говорить, шеф!

Мёллер, который как раз открыл рот, резко захлопнул его и демонстративно скрестил руки на груди. Харри продолжал:

— Я понимаю, что не вы все это придумали. И хотя я не вижу картину целиком, у меня достаточно фантазии, чтобы кое о чем догадаться. И если я прав, это означает, что мои личные карьерные пожелания — дело второстепенное. Так что ответьте мне всего на один вопрос. У меня есть выбор?

Мёллер моргал не переставая. Он снова подумал о Бергене. О зиме без снега. О прогулках всей семьей по склонам Флэйен по воскресеньям. Вот где хорошо растить детей! Самое страшное там — добродушные выходки местных сорванцов; и никакой организованной преступности, никаких четырнадцатилетних наркоманов. Бергенское полицейское управление. Ну да.

— Нет, — ответил он.

— Отлично, — сказал Харри. — Я и не надеялся. — Он скомкал бумажный стаканчик и прицелился в мусорную корзину. — Значит, вы говорите, зарплата выше в пять раз?

— И собственный кабинет.

— Наверное, хорошо отгороженный от других. — Он бросил комок плавным, заученным движением руки. — А плата за сверхурочную работу?

— При такой зарплате? Нет, Харри.

— Значит, буду уходить домой в четыре. — Бумажный стаканчик упал на пол в полуметре от корзины.

— Замечательно, — сказал Мёллер с еле заметной улыбкой.

Эпизод 18

Дворцовый парк, 10 ноября 1999 года

Был ясный и холодный вечер. Первое, что бросилось в глаза старику, когда он вышел из метро, было то, как много еще народу на улице. Он всегда считал, что центр города пустеет к вечеру, но под неоновыми огнями улицы Карла-Юхана сновали такси, а туда-сюда по тротуарам ходили прохожие. Он стоял у перехода, ожидая, пока появится зеленый человечек на светофоре, а рядом гоготала компания чернявых подростков, что-то выкрикивая на своем чудном языке. Наверно, из Пакистана. Или, может, из Саудовской Аравии. Но его мысли оборвались — на светофоре загорелся зеленый, и он решительно зашагал через дорогу и дальше — на подъем, в сторону освещенного фасада Королевского дворца. Даже и здесь были люди, большей частью молодые, они шли бог весть куда и откуда. Он остановился передохнуть на подъеме возле статуи Карла-Юхана^[20], который сидел на своей лошади и мечтательно смотрел вниз, на стортинг и державу, которую он возвел, как и дворец позади себя.

Дождя не было уже больше недели, сухая листва зашелестела у старика под ногами, когда он повернул направо и пошел между деревьями парка. Он запрокинул голову и посмотрел наверх: голые ветки отчетливо вырисовывались на фоне звездного неба. Он вдруг вспомнил детский стишок:

Вяз, береза, тополь, дуб,
В черной мантии бледный труп.

Он подумал о том, что лучше бы этот вечер был безлунным. С другой стороны, сейчас было легко найти то, что он ищет: старый дуб, к которому он прислонился головой в тот день, когда ему сказали, что жизнь его подходит к концу. Он смотрел на его ствол, поднимая глаза выше и выше, до самой кроны. Сколько ему может быть лет? Двести? Триста? Может, он вырос еще до того, как Карл-Юхан взошел на норвежский трон. Но все равно: всякой жизни приходит конец. И его жизни, и жизни дерева, и даже жизням королей. Он встал за деревом, так чтобы его не было видно с дорожки, и сбросил на землю рюкзак. Потом сел на корточки, открыл рюкзак и достал его содержимое. Три пузырька раствора гербицида, который продавец в магазине «Мир железа» называл «Раундап», и ветеринарный шприц с огромной иглой, которым он разжился в аптеке «Сфинкс». Он сказал, что шприц ему нужен на кухне, чтобы впрыскивать жир в мясо, но это было лишне, потому что провизор лишь безразлично посмотрел на него и наверняка забыл это еще до того, как он вышел из аптеки.

Старик еще раз быстро огляделся по сторонам, проткнул длинной иглой пробку одной бутылки и, потянув за ручку, набрал полный шприц блестящей жидкости. Он ощупал рукой кору дерева и, найдя в ней трещину, воткнул туда иглу. Это было не так-то легко, как он думал, потребовалось немало усилий, чтобы вогнать иглу в твердую древесину, он должен был дойти до камбия, до внутренностей дерева, его жизненных органов. Он еще сильнее нажал на шприц. Игла задрожала. Черт! Ее нельзя сломать, другой у него не было. Игла мало-помалу ушла внутрь, но через пару сантиметров уперлась. Несмотря на холод, он вспотел. Он снова схватился за шприц, чтобы навалиться на него с новой силой, но вдруг услышал

шуршание листьев на дорожке. Он выпустил шприц. Шорох приближался. Он закрыл глаза и затаил дыхание. Когда он снова их открыл, то успел заметить, как в кустах, за которыми открывался обзор Фредрикс-гате, пропали две фигуры. Он выдохнул и снова вцепился в шприц. Пусть будет так: или пан, или пропал, — думал он, наваливаясь изо всех сил. Он уже ждал, что иголка хрустнет и сломается, но она вошла глубже. Старик вытер пот с лица. Дальше будет легче.

За десять минут он успел впрыснуть два пузырька этого раствора и уже готов был впрыснуть третий, когда услышал рядом голоса. Две фигуры вышли из-за кустов, и он подумал, что это, должно быть, те самые, которых он видел.

— Эй! — услышал он мужской голос.

Старик инстинктивно вскочил на ноги и встал перед деревом так, что длинные полы пальто закрывали шприц, по-прежнему торчавший в стволе. В следующее мгновение его ослепил свет. Он выставил вперед руки.

— Убери этот фонарь, Том, — послышался женский голос.

Свет ушел в сторону, и старик увидел, как между деревьями в парке заплясали тени.

Двое подошли к нему совсем близко, и одна из них, женщина чуть старше тридцати, с правильными, но самыми обычными чертами лица, выставила ему в лицо свое удостоверение так близко, что даже при тусклом лунном свете он мог различить ее фотографию, на которой она была, несомненно, моложе, чем сейчас, и с очень серьезным выражением лица. И имя. Эллен какая-то.

— Полиция, — сказала она. — Извините, если испугали вас.

— Что ты делаешь здесь в полночь, папаша? — спросил мужчина. Он, как и напарница, был в гражданском, из-под черной вязаной шапочки на старика пристально смотрели холодные синие глаза.

— Я просто прогуливаюсь, — ответил старик, надеясь, что они не заметят, что его голос дрожит.

— Вот как, — сказал тот, которого звали Томом. — За деревом в парке, в длинном пальто. Знаешь, как это у нас называется?

— Замолчи, Том, — оборвала его женщина. — Еще раз извините, — обратилась она к старику. — Несколько часов назад здесь в парке было совершено нападение. Избили мальчика. Может, вы что-нибудь видели или слышали?

— Я сам только что пришел сюда, — сказал старик, стараясь смотреть только на женщину, чтобы не встречаться с испытующим взглядом мужчины. — Я ничего не видел. Только ковш Большой Медведицы. — Он показал на небо. — Я очень сожалею. Он сильно пострадал?

— Довольно-таки. Простите за беспокойство, — улыбнулась она. — Приятного вечера.

Они пропали в темноте, и старик закрыл глаза и прислонился к дереву спиной. В следующее мгновение он вздрогнул оттого, что кто-то вцепился ему в плечо и тяжело задышал ему в ухо. Потом послышался голос того молодого человека:

— Если я еще раз поймаю тебя с поличным, ты у меня получишь. Понял? Как же я вас всех ненавижу.

Он отпустил его плечо и пропал.

Старик бессильно опустился на землю. Он чувствовал, как сырость проникает сквозь одежду. А из головы все не шел голос, повторявший снова и снова все тот же стишок:

Вяз, береза, тополь, дуб,
В черной мантии бледный труп.

Эпизод 19

Пиццерия «У Герберта», площадь Юнгсторгет, 12 ноября 1999 года

Сверре Ульсен зашел внутрь, кивнул парням за столиком в углу, взял за стойкой стакан пива и пошел с ним к столику. Не к тому, что стоял в углу, а к собственному столику. Уже больше года у него здесь был собственный столик, с тех пор, как он поколотил того узкоглазого в «Денис-кебаб». Он рано приходил, когда еще никого не было, но публика постепенно заполняла эту пиццерию на углу улицы Торггата и площади Юнгсторгет. Сегодня был как раз день уплаты старых долгов. Он кивнул парням в углу. Среди них было и трое из тех, кто составлял твердое ядро, но с ними он уже сто лет не разговаривал. Они стали членами новой партии — «Национальный альянс», и с ними у него, так сказать, внутренние расхождения в идеологии. Он знал их еще со времен «Молодежи Партии Отечества», в известной степени они патриоты, но могут переметнуться к ренегатам. Рой Квинсет, с безупречно выбритой головой, как всегда, надел свои потрепанные узкие штаны, сапоги и белую футболку с красно-бело-синей эмблемой «Национального альянса». А вот Халле — новенький. Он покрасил волосы в черный цвет и прилизал чуб. Но, конечно, больше всего должны были провоцировать народ усы — черная, аккуратно постриженная полосочка, точь-в-точь как у фюрера. Вместо широких галифе и сапог он носил зеленые камуфляжные штаны. Грегерсен был единственным, кто выглядел как обычный парень: короткая куртка, козлиная бородка и темные очки на лбу. Из этих трех он был, без сомнения, самым элегантным.

Сверре стал разглядывать и других посетителей. Девушка и парень запихивали в себя пиццу. Он раньше их не видел, но на шпиков не похожи. И на журналистов тоже. Может, они из «Монитора»? ^[21] Зимой он разоблачил одного парня оттуда, типчика с бегающими глазками, который что-то сюда зачастил, играл в брис с ребятами и заводил с ними разговоры. Сверре почуял неладное, они вытащили парня на улицу и сорвали с него свитер. У него на животе был прикреплен диктофон и микрофон. Он сознался, что из «Монитора», еще до того, как дошло до рукоприкладства. До смерти перепугался. Эти мониторщики идиоты. Верят в байки, в эти бредни, будто фашизм — это настоящая опасность, а сами они — секретные агенты, что постоянно подвергают свою жизнь опасности. Ну да, не без того. Тот парень, во всяком случае, был уверен, что они собираются убить его, и до того струхнул, что даже обмочился. В буквальном смысле. Сверре заметил, как темная струйка потекла по его штанам и дальше по асфальту. В тот вечер это запомнилось ему лучше всего: как, слабо мерцающая в тусклом свете, по мостовой бежит ручеек мочи.

Сверре Ульсен подумал, что эти двое — просто проголодавшаяся парочка, решившая заскочить в пиццерию. Скорость, с которой они ели, указывала на то, что они тоже уже разглядели посетителей и стремятся как можно скорее уйти отсюда. У окна сидел старик в шляпе и пальто. Наверное, алкаш, хотя по одежде не скажешь. Впрочем, они часто так выглядят поначалу, когда ребята из Армии спасения приносят им одежду: добротные, хотя и поношенные пальто и немного вышедшие из моды костюмы. Но, когда он смотрел на него, старик вдруг поднял голову и встретился с ним взглядом. Нет, это был не пьяница. У него были пронзительные синие глаза, и Сверре невольно отвел взгляд. Старик таращился на него,

как черт!

Сверре сосредоточился на своей поллитре. Скоро надо будет раздобыть денег. Отрастить волосы, чтобы прикрыть татуировку на затылке, надеть рубашку с длинными рукавами и устроиться на работу. Работы навалом. Грязной, дерьмовой работы. Хорошую работу расхватали черномазые. Паршивые черномазые ублюдки.

— Могу я присесть?

Сверре поднял глаза. Это был тот старик, он стоял над ним. Сверре даже не заметил, как он подошел.

— Это мой стол, — попытался возразить Сверре.

— Я хочу только кое о чем поговорить. — Старик положил газету на стол между собой и Ульсенем и сел на стул прямо напротив.

Сверре настороженно посмотрел на него.

— Расслабься, я один из вас, — сказал старик.

— Кого «вас»?

— Вас, которые ходят сюда. Национал-социалистов.

— Да ну?

Сверре облизнул губы и поднес стакан ко рту. Старик сидел и неподвижно смотрел на него. Спокойно, как будто у него в запасе имелась целая вечность. Хотя, наверное, она у него правда есть: на вид ему лет семьдесят, не меньше. Может, он из тех старичков из «Zorn-88»?

[22] Из тех трусливых подстрекателей, о которых Сверре что-то слышал, но которых никогда не видел?

— Мне нужно, чтобы ты оказал мне услугу, — сказал старик тихо.

— Да ну? — сказал Сверре. В его интонации звучало неприкрытое пренебрежение. Но сам он об этом, конечно, не догадывался.

— Оружие, — продолжал старик.

— Какое еще оружие?

— Мне кое-что нужно. Можешь мне помочь?

— А с чего мне тебе помогать?

— Взгляни на газету. На страницу двадцать восемь.

Сверре подвинул к себе газету и начал листать ее, продолжая смотреть на старика. На двадцать восьмой странице была статья о неонацистах в Испании. Автор: Эвен Юль — йоссинг, ну конечно. Поверх большой черно-белой фотографии молодого человека с портретом генералиссимуса Франко над головой лежала тысячная купюра.

— Если сможешь мне помочь, — сказал старик.

Сверре пожал плечами.

— И еще девять тысяч — потом.

— Да ну? — Сверре глотнул пива. Потом огляделся по сторонам. Молодая парочка уже ушла, но Халле, Грегерсен и Квинсет еще сидели в углу. А скоро придут другие, так что поговорить обо всем без посторонних не удастся. Десять тысяч крон.

— А какое оружие?

— Винтовка.

— Охотничье ружье подойдет?

Старик покачал головой:

— Винтовка Мерклина.

— Мерклина?

Старик кивнул.

— Это который игрушечные паровозики делает?

На морщинистом лице под шляпой появился какой-то просвет. Наверное, старик улыбался.

— Если не сможешь мне помочь, скажи об этом сейчас. Можешь оставить себе эту тысячу, и мы больше об этом не говорим, я уйду отсюда, и мы больше не увидимся.

Сверре ощутил прилив адреналина. Это вам не обычная болтовня про топоры, дробовики, динамит и прочую дребедень. Это уже серьезно. Парень говорит о солидных вещах.

В дверь вошли. Сверре посмотрел поверх плеча старика. Нет, это не парни, это какой-то алкаш в красном вязаном свитере. Если он не будет клянчить пива, проблем с ним не будет.

— Я посмотрю, что смогу сделать, — сказал Сверре и взял тысячную купюру. Он не понял, что произошло — рука старика вцепилась в его руку, будто орлиными когтями, и пригвоздила ее к столу.

— Я тебя не об этом спрашиваю. — Голос был ледяной и скрипучий, как наст.

Сверре попытался освободить руку, но не смог. Он не мог вырваться из пальцев какого-то старикашки!

— Я спрашиваю, можешь ли ты помочь мне, и я хочу услышать «да» или «нет». Понятно?

Сверре почувствовал, как в нем просыпается бешенство, старый враг и друг. Но пока его больше занимало другое — десять тысяч крон. Этот человек может ему помочь, это не простой человек. Дело будет хлопотное, но у Сверре было ощущение, что старик не покусится на чаевые.

— Я... я могу тебе помочь.

— Когда?

— Через три дня. Здесь. В это же время.

— Чушь! Да ты не найдешь такую винтовку за три дня. — Старик отпустил его руку. — Беги лучше к тому, кто может тебе помочь, а тот пусть идет к тому, кто может помочь ему, а через три дня мы встретимся здесь и обсудим, когда и куда ты ее принесешь.

Сверре лежа выжимал сто двадцать килограммов — как этот тощий старикан смог...

— Но, конечно, винтовка с доставкой стоит определенной суммы. Поэтому через три дня ты получишь остальные свои деньги.

— Вот как? А если я просто возьму деньги...

— Тогда я вернусь и убью тебя.

Сверре покрутил запястье. Ему не захотелось углублять тему.

Леденящий ветер мел тротуар перед телефонной будкой возле сауны на улице Торггата, пока Сверре Ульсен дрожащими пальцами набирал номер. Черт, как же холодно! У него уже замерзли ноги в дырявых сапогах. На том конце взяли трубку.

— Да?

Сверре Ульсен сглотнул. Почему от этого голоса ему всегда становилось так не по себе?

— Это я, Ульсен.

— Говори.

— Тут одному нужно ружье. Марки «Мерклин».

Никакого ответа.

— Вроде как та компания, которая делает игрушечные паровозы, — добавил Сверре.

— Я знаю, что такое «Мерклин», Ульсен. — Голос на том конце был ровным и безразличным, но Сверре слышал в нем презрение. Он ничего не сказал, потому что хотя и ненавидел человека на том конце провода, еще сильнее он его боялся, чего не мог не сознавать. Очень немногие его товарищи слышали о нем, и даже Сверре не знал его настоящего имени. Но через свои связи этот человек не раз выручал и Сверре, и его друзей. Это, конечно, было ради Дела, а не потому, что тот испытывал особую симпатию к Сверре Ульсену. Да и сам Сверре, будь у него другие варианты, не стал бы обращаться к этому человеку.

Голос:

— Кто просит и зачем ему оружие?

— Один старик, никогда его раньше не видел. Сказал, что он один из нас. А кого именно он хочет грохнуть, я не спрашивал. Может, и никого. Может, винтовка ему, чтобы...

— Заткнись, Ульсен. Он был похож на человека, у которого есть деньги?

— Он был хорошо одет. И он дал мне штуку, чтобы я только ответил, смогу ли я помочь ему.

— Он дал тебе штуку не чтобы ты ответил, а чтоб не трепался.

— Ну да.

— Интересно.

— Я с ним увижусь опять, через три дня. К этому времени он хочет знать, смогли мы ее отыскать или нет.

— *Мы?*

— Да, ведь...

— Ты хотел сказать, смогу ли я ее найти?

— Конечно. Но...

— Сколько он платит тебе за остальную работу?

Сверре колебался:

— Десять штук.

— И столько же ты получишь от меня. Десять. Если сделка состоится. Понял?

— Понял.

— За что ты получишь десять штук?

— За то, чтобы я не трепался.

Когда Сверре положил трубку, он уже не чувствовал пальцев. Нужны новые сапоги. Он стоял и смотрел, как ветер поднял в воздух пустой, безвольный пакетик из-под чипсов и погнал его меж автомобилей по направлению к улице Стургата.

Эпизод 20

Пиццерия «У Герберта», 15 ноября 1999 года

Стеклянная дверь пиццерии «У Герберта» закрылась за спиной старика. Он стоял на тротуаре и ждал. Мимо прошла замотанная в хиджаб пакистанка с детской коляской. Перед ним проносились машины, и в их мелькающих окнах он видел отражение самого себя и больших окон пиццерии за спиной. Слева от входной двери стекло было заклеено крест-накрест белой клейкой лентой, будто это окно однажды пытались высадить. Белый узор трещин на стекле напоминал паутину. За стеклом он видел Сверре Ульсена, который продолжал сидеть за тем же столом, за которым они сейчас обсуждали детали сделки. Грузовой порт в Бьёрвике через три недели. Пирс номер 4. В два часа ночи. Пароль: «*Voice of an angel*»^[23]. Наверняка название какой-нибудь популярной песни. Он никогда ее не слышал, но название было подходящим. А вот сумма не оказалась столь подходящей. Семьсот пятьдесят тысяч. Но он и не думал обсуждать ее. Теперь главное — чтобы они выполнили свою часть сделки, а не ограбили его там, в порту. В разговоре с тем молодым неонацистом, взывая к его добросовестности, он сказал, что воевал на фронте. Но поверил ли тот ему? И значило ли это вообще что-нибудь? Он даже сочинил историю о том, как он служил, на случай, если парень станет расспрашивать. Но тот не стал.

Еще несколько автомобилей пронеслись мимо. Сверре Ульсен продолжал сидеть, но какой-то другой посетитель встал и в эту секунду, шатаясь, направлялся к выходу. Старик вспомнил его, он был там и в прошлый раз. А сегодня все время не спускал с него глаз. Дверь открылась. Он ждал. Дорога была свободна от автомобилей, но он услышал, как тот человек встал прямо за его спиной. Потом он услышал:

— Так, значит, вот кто этот парень?

Это был особый, хриплый голос, какой может быть только у человека, который уже много лет пьет, курит и страдает бессонницей.

— Мы знакомы? — спросил старик, не оборачиваясь.

— Я бы сказал, что да.

Старик повернул голову, быстро смерил его взглядом и снова отвернулся.

— Я не сказал бы, что знаю вас.

— Тьфу! Ты что, не узнаешь старого боевого товарища? Помнишь, на войне?

— На какой войне?

— Когда мы вместе дрались за общее дело: ты и я.

— Если ты так говоришь... А что тебе нужно?

— Ась? — Пьяница приставил к уху ладонь.

— Я спрашиваю, что тебе нужно? — повторил старик громче.

— Нужно, нужно. Да просто поболтать со старым знакомым, ась? Тем более с тем, кого сто лет не видел. Тем более с тем, кого давно считал покойником.

Старик обернулся:

— Я похож на покойника?

Человек в красной куртке смотрел на него такими голубыми глазами, что они казались двумя шариками из бирюзы. Определить его возраст было совершенно невозможно. От сорока до восьмидесяти. Но старик знал, сколько лет этому старому пьянице. Если сосредоточиться, он, может, даже вспомнит день его рождения. На войне они вместе

праздновали дни рождения.

Пьяница сделал еще один шаг вперед.

— Да нет, ты не похож на покойника. На больного — да, но не на покойника.

И он выставил вперед огромную грязную ладонь, и старик сразу же почувствовал сладковатый запах: пахло смесью пота, мочи и перегара.

— Ну чё? Не хошь поздороваться за руку со старым товарищем? — Голос звучал будто из могилы.

Не снимая перчатки, старик слегка пожал протянутую ему руку.

— Да, — сказал он. — Ну вот мы и поздоровались за руку. Если ты больше ничего не хотел, я, пожалуй, пойду.

— Хотел, хотел. — Пьяница качался взад-вперед, все пытаясь уцепиться взглядом за старика. — Я хотел спросить, а что такой человек, как ты, делает в такой дыре, как эта. Это очень странно, если вот так подумать, а? «Он, должно быть, зашел по ошибке», — подумал я в тот раз. А тут — ты сел и стал болтать с этим мерзавцем, который, говорят, убивает людей бейсбольной битой. А сегодня ты опять здесь сидишь...

— Да?

— И я подумал: надо спросить какого-нибудь журналюгу, они сюда иногда заглядывают, понимаешь? Об том, чё такой мужик, как ты, такой почтенный, делает тут в таком окружении. Они ж все обо всех знают, понимаешь? А чё не знают — то узнают. Например, как это парень, которого мы все еще в войну похоронили, вдруг оказывается живой. Они ж пронырливые, как черти. Вот.

Он сделал безрезультатную попытку щелкнуть пальцами.

— И про тебе тогда напишут в газетах, понимаешь?

Старик вздохнул:

— Я могу тебе чем-нибудь помочь?

— А чё, похоже на то? — Пьяница развел руками и обнажил в улыбке редкие зубы.

— Я думаю, да, — сказал старик и осмотрел себя. — Пройдемся. Не люблю свидетелей.

— Ась?

— Не люблю свидетелей.

— А-а. А куда ж нам?

Старик положил руку ему на плечо:

— Пойдем.

— Show me the way^[24], дружище, — хрипло пропел пьяница и засмеялся.

Они зашли под арку возле пиццерии «У Герберта», где, невидимые с улицы, стояли в ряд серые пластиковые мусорные баки.

— Надеюсь, ты еще никому не успел сказать, что видел меня?

— Да ты чё? Я воще сперва подумал, что мне мерещится. Привидение средь бела дня. «У Герберта»!

Он громко расхохотался, но смех скоро перешел в мокрый, kloкочущий кашель. Он нагнулся и стоял, опершись о стену, пока кашель не прошел. Потом выпрямился и вытер слизь в уголках рта.

— А кому рассказать — мигом упекут куда полагается...

— Сколько тебе нужно, чтобы ты молчал и дальше?

— Нужно, нужно. Я видел, как тот стервец взял тысячную бумажку из газеты, которую ты принес...

— Да?

— Но сколько-то у тебя осталось?

— Ну так сколько?

— А сколько у тебя есть?

Старик вздохнул, еще раз оглянулся, чтобы убедиться, что нет свидетелей. Потом расстегнул пальто и сунул руку за пазуху.

Сверре Ульсен длинными шагами перешел Юнгсторгет и перепрыгнул через зеленый пластиковый мешок. Всего двадцать минут назад он сидел у «Герберта», бледный и в дырявых сапогах, а теперь шагал в новых, блестящих армейских «Комбат бутс», купленных в магазине «Совершенно секретно» на Хенрик-Ибсенс-гате, плюс с конвертом, в котором лежали еще восемь новеньких, хрустящих тысячных купюр. И еще десять он получит потом. Вот ведь как могут измениться дела. Этой осенью он уже приготовился к тому, что его отправят в тюрьму на три года, и вдруг его адвокат заявляет, что та толстая тетка из суда принесла присягу неправильно!

Сверре сделалось так хорошо, что он уже собрался пригласить за свой столик Халле, Грегерсена и Квинсета, заказать им пива — просто чтоб посмотреть на их реакцию. Да, черт побери!

Он пересек Плёенс-гате впереди пакистанки с детской коляской и улыбнулся ей. Ну не дьявол! Он уже подходил к двери «Герберта», как вдруг подумал, что пакет со старой обувью надо бы выбросить. Он зашел под арку, поднял крышку одного из огромных мусорных баков и положил пакет поверх прочего мусора. Он уже шел обратно, но тут увидел, что между двумя ящиками торчит пара ног. Он огляделся. На улице никого. Кто бы это мог быть: наркоман, пьяница? Он подошел ближе. Там, откуда торчали ноги, баки были придвинуты друг к другу вплотную. Он почувствовал, что сердце забилось быстрее. Некоторые наркоманы становятся буйными, если их потревожить. Сверре встал на достаточном расстоянии и пнул один из баков, так что он отъехал в сторону.

— Черт!

Забавно, но Сверре Ульсен, который сам чуть не убил человека, никогда раньше не видел мертвецов. А еще забавней, что от этого зрелища он сам чуть не упал. Человек, который сидел опершись спиной на стену, устремив глаза в разные стороны, был мертвым, как сама смерть. И причина смерти была ясна. На горле улыбалась красная пасть — ему перерезали глотку. Хотя сейчас кровь только слабо сочилась, было ясно, что вначале она, наверное, хлестала ручьем, потому что весь его красный свитер промок и слипся от крови. Вонь мусора и мочи стала нестерпимой, и Сверре почувствовал в горле вкус желчи прежде, чем наружу пошли оба стакана пива и пицца. Потом он стоял, опершись на мусорный бак: его все рвало и рвало на асфальт. Носки сапог стали желтыми от блевоты, но он не обращал на это внимания. Он смотрел только на маленький красный ручеек, который, поблескивая в тусклом свете, сбегал вниз, ища самую низкую точку на поверхности мостовой.

Эпизод 21

Окрестности Ленинграда, 17 января 1944 года

Русский истребитель «Як-1» загрохотал над головой Эдварда Мускена, когда тот, сгорбившись, бежал через траншею.

Обычно от этих истребителей не было больших проблем, — похоже, у русских кончились бомбы. Недавно он слышал, что на задания они дают пилотам ручные гранаты, чтобы они бомбили их позиции!

Эдвард прибыл на участок «Север», чтобы доставить письма ребятам и разузнать последние новости. Всю осень шли убийственные эти сообщения о потерях и отступлениях по всему Восточному фронту. Еще в ноябре русские снова заняли Киев, а в октябре они чуть было не окружили немецкую Южную армию у Черного моря. То, что Гитлер перебросил часть войск на Западный фронт, не облегчало положения. Но самое невероятное Эдвард услышал сегодня. Два дня назад генерал-лейтенант Гусев начал массированное наступление от Ораниенбаума, к югу от Финского залива. Эдвард помнил Ораниенбаум — это был всего лишь маленький плацдарм, который они проходили, когда шли на Ленинград. Они позволили русским снова занять его, потому что он не представлял никакого стратегического значения! А теперь русский иван смог собрать целую армию вокруг Кронштадтской крепости, и, по донесениям, «катюши» сейчас беспрерывно обстреливали немецкие позиции, и от густого ельника, росшего там прежде, остались лишь щепки. До них и вправду уже несколько ночей подряд доносилась издали музыка этих сталинских органов, но он не знал, вправду ли все так плохо.

По пути Эдвард зашел в лазарет, чтобы навестить одного из своих ребят, который потерял ногу, подорвавшись на mine на ничейной полосе, но медсестра, крохотная эстонка с измученными синими глазами в таких темных глазницах, что казалось, будто она в маске, только покачала головой и сказала то немецкое слово, которое, наверное, говорила чаще всех остальных: «*Tot*»^[25].

Должно быть, Эдвард выглядел по-настоящему раздосадованным, потому что она, желая как-то ободрить его, указала на койку, где, наверное, лежал другой норвежец.

— *Leben*^[26], — сказала она и улыбнулась. Но глаза у нее по-прежнему оставались измученными.

Эдвард не узнал человека, который спал в койке. Но едва он увидел блестящую белую кожаную куртку, висящую на стуле, как сразу понял, кто перед ним: сам ротный Линдвиг из полка «Норвегия». Человек-легенда. И теперь он лежит здесь! Эту новость он решил не рассказывать ребятам.

Еще один истребитель проревел над его головой. Откуда вдруг взялись все эти самолеты? Прошлой осенью казалось, что у ивана их больше не осталось.

Он забежал за поворот и увидел перед собой скрюченного Дале, который стоял к нему спиной.

— Дале!

Дале не поворачивался. После того как в ноябре его контузило гранатой, Дале уже не слышал так хорошо, как раньше. И не разговаривал так много, и взгляд у него стал какой-то стеклянный, скользящий, какой обычно остается у людей после контузии. Поначалу Дале жаловался на головную боль, но когда офицер медицинской службы осмотрел его, то сказал,

что мало чем тут можно помочь и надо просто ждать, что будет дальше. Вряд ли так не хватает бойцов, чтобы еще посылать здоровых в лазарет, сказал он.

Эдвард положил руку на плечо Дале, и тот обернулся так резко и с такой яростью, что Эдвард потерял равновесие на льду, который к тому же подтаял на солнце, и шлепнулся на спину. Ну хоть зима выдалась теплая, подумал он и невольно рассмеялся. Но перестал смеяться, когда вдруг увидел, что в него почти упирается ствол винтовки Дале.

— *Passwort!*^[27] — прокричал Дале. Поверх прицела Эдвард увидел его широко раскрытый глаз.

— Разуй зенки, Дале. Это ж я.

— *Passwort!*

— Убери винтовку! Это я — Эдвард! Дьявол!

— *Passwort!*

— *Gluthaufen.*

Эдвард почувствовал, что им овладевает панический страх, когда он увидел, как палец Дале зацепился за спусковой крючок. Он что, не расслышал?

— *Gluthaufen!* — закричал он изо всех сил. — *Gluthaufen*, черт!

— *Fehl! Ich schiesse!*^[28]

Господи, да этот парень сошел с ума! В эту же секунду Эдвард вспомнил, что пароль поменяли сегодня с утра. После того как он ушел на участок «Север»! Палец Дале надавил на курок, но не смог продвинуться дальше. Над глазом появилась морщина. Дале перехватил винтовку. Неужели все так и закончится? После всего, что он пережил, погибнуть от пули контуженого соотечественника? Эдвард пристально смотрел в черный зев винтовки и ждал, когда брызнут искры. Успеет ли он их заметить? О господи боже! Он отвернулся от дула, посмотрел в голубое небо, где черным крестом вырисовывался русский истребитель. Он был слишком высоко, чтобы его можно было услышать. И Эдвард закрыл глаза.

— *Engelstimme!*^[29] — закричал кто-то.

Эдвард открыл глаза и увидел, как Дале два раза мигнул за прицелом.

Это был Гюдбранн. Прислонив голову вплотную к голове Дале, он кричал ему прямо в ухо:

— *Engelstimme!*

Дале опустил винтовку. Потом ухмыльнулся Эдварду и кивнул.

— *Engelstimme!* — повторил он.

Эдвард снова закрыл глаза и выдохнул.

— Письма есть? — спросил Гюдбранн.

Эдвард сел и дал Гюдбранну связку бумаги.

Дале по-прежнему ухмылялся, но выражение лица оставалось таким же пустым. Эдвард схватился за его винтовку и встал, оказавшись с ним прямо лицом к лицу.

— У нас там кто-нибудь есть внутри, Дале?

Он хотел сказать это нормальным голосом, но получился грубый, хриплый шепот.

— Он не слышит, — сказал Гюдбранн, рассматривая письма.

— Я не думал, что он так плох. — Эдвард помахал рукой перед лицом Дале.

— Ему уже нельзя здесь оставаться. Вот письмо от его семьи. Покажи это ему, и сам поймешь, о чем я.

Эдвард взял письмо и сунул его Дале прямо в лицо, но увидел, что на его лице не отобразилось ни малейшего чувства, он только коротко ухмыльнулся, а потом снова

вытаращил глаза, устремив их в вечность или куда еще там.

— Ты прав, — сказал Эдвард. — Он готов.

Гюдбранн протянул Эдварду еще одно письмо.

— Как там дома? — спросил он.

— Эх, ты сам знаешь, — ответил Эдвард и стал разглядывать письмо.

Но Гюдбранн ничего не знал: они с Эдвардом не так много разговаривали с прошлой зимы. Удивительно, но даже и в таких условиях два человека могут ухитриться не разговаривать друг с другом, если им это неприятно. Не то чтобы Гюдбранну не нравился Эдвард, как раз наоборот, ему нравился командир, которого он уважал за ум, отвагу храброго бойца и заботу о молодых и новичках в их отделении. Осенью Эдварда повысили до шарфюрера, что соответствовало сержанту в норвежской армии, но ответственность оставалась той же самой. Как-то Эдвард пошутил, что его повысили, потому что всех остальных сержантов уже убили и у начальства остались лишние сержантские фуражки.

Гюдбранн часто думал, что при других обстоятельствах они с Эдвардом могли бы быть хорошими друзьями. Но то, что произошло прошлой зимой — исчезновение Синдре и этот труп Даниеля, который каким-то странным образом появился снова, — это все время стояло между ними.

Глухой далекий звук разорвал тишину, потом затрещали пулеметы, будто переговариваясь друг с другом.

— Становится туго, — произнес Гюдбранн, больше спрашивая, чем констатируя.

— Да, — сказал Эдвард. — А все окаянная оттепель. Наше снабжение увязло в грязи.

— Нам надо отступить?

Эдвард пожал плечами:

— Может, на несколько миль. Но мы вернемся.

Гюдбранн из-под ладони посмотрел на восток. Ему вовсе не хотелось возвращаться. Ему хотелось уехать домой: может, там он сможет жить?

— Видел норвежский указатель на перекрестке рядом с лазаретом, тот, со свастикой? — спросил он. — И стрелку, которая показывает на восток, на которой написано: «Ленинград, пять километров»?

Эдвард кивнул.

— Помнишь, что там написано на стрелке, которая указывает на запад?

— «Осло», — ответил Эдвард. — «Две тысячи шестьсот одиннадцать километров».

— Далёко.

— Да, далёко.

Дале оставил свою винтовку в руках Эдварда, а сам сел в сугроб, зарыв руки в снег перед собой. Его голова повисла между узких плеч, как сломанный цветок. Послышался еще один взрыв, на этот раз уже ближе.

— Спасибо, что...

— Не за что, — быстро проговорил Гюдбранн.

— Я видел Улафа Линдви в лазарете, — сказал Эдвард. Он не знал, зачем сказал это. Может, потому что Гюдбранн, как и Дале, был единственным в отделении, кто пробыл тут столько же, сколько и он сам.

— Он был?..

— Думаю, только легко ранен. Я видел его белый мундир.

— Я слышал, он хороший человек.

— Да, у нас много хороших людей.

Они некоторое время стояли молча, глядя друг другу в глаза.

Эдвард откашлялся и сунул в карман руку.

— Я раздобыл пару русских папирос на участке «Север». Если у тебя найдется огонек...

Гюдбранн кивнул, расстегнул куртку, нашел коробок спичек и чиркнул по серной бумаге. Подняв глаза, он сначала увидел лишь огромный, безумно вытаращенный глаз Эдварда. Он смотрел на что-то за спиной Гюдбранна. Потом он услышал визжащий звук.

— Ложись! — закричал Эдвард.

В следующее мгновение они уже лежали на льду, а небо над ними с треском распоролось. Гюдбранн увидел хвост русского истребителя, летящего вдоль их окопов так низко, что с сугробов поднимался снег. Он пролетел мимо, и снова стало тихо.

— Он как будто... — прошептал Гюдбранн.

— О господи! — простонал Эдвард, повернулся к Гюдбранну и рассмеялся. — Я даже видел пилота, как он открыл кабину и высунулся из нее. Иван сошел с ума. — Он смеялся до икоты. — К чему все катится?

Гюдбранн смотрел на сломанную спичку, которую он все еще держал в руке, и вдруг сам начал смеяться.

— Хе-хе, — сказал Дале и посмотрел на товарищей из сугроба на краю окопа, где он сидел. — Хе-хе.

Гюдбранн взглянул на Эдварда, и тут они оба начали хохотать. Они икали от смеха, так что сначала не слышали отчетливого звука, который приближался к ним.

Звяк-звяк...

Как будто кто-то медленно рубил лед киркой.

Звяк...

Потом послышался удар металла о металл, Гюдбранн и Эдвард повернулись к Дале — тот медленно упал в снег.

— Ради бога... — начал Гюдбранн.

— Граната! — закричал Эдвард.

Услышав его крик, Гюдбранн инстинктивно сжался в комок и, уже лежа, увидел металлическую штуку, которая все крутилась и крутилась на льду в метре от него. Он чувствовал, как тело примерзает ко льду, и вдруг понял, что сейчас произойдет.

— Уход и! — кричал сзади него Эдвард.

Так оно и было: русские летчики и вправду кидали гранаты с самолетов! Гюдбранн лежал на спине и пытался подняться, но руки и ноги скользили на мокром льду.

— Гюдбранн!

Так вот что это был за звук: граната, которая катилась по ледяному дну окопа. Похоже, она стукнула Дале прямо по шлему!

— Гюдбранн!

Граната все крутилась и крутилась, катилась и пританцовывала на льду, и Гюдбранн не мог оторвать от нее взгляд. Четыре секунды от выдергивания чеки до детонации — кажется, их так учили в Зеннхайме? Наверное, у русских другие гранаты, может, у них шесть секунд? Или восемь? А граната все крутилась и крутилась, как красная юла, — отец делал им такие в Бруклине. Гюдбранн вертел ее, а Сонни и младший братик смотрели на нее и считали, как долго она простоит: «*Twenty-one, twenty-two...*»^[30] Мать, бывало, в третий раз кричит, что обед готов, пора идти домой, скоро уже вернется отец. «Ну еще чуть-чуть, — кричит он в

ответ. — Юла вертится!» Но она не слышит, она уже закрыла окно. Эдвард больше не кричал, и вдруг все стихло.

Старик посмотрел на часы. Он просидел в приемной уже четверть часа. Раньше ему никогда не приходилось ждать в те дни, когда он ходил к Конраду Буеру. Обычно Конрад не принимал больше пациентов, чем позволяло расписание.

В другом конце комнаты сидел мужчина. Темнокожий, африканец. Он листал еженедельник, и старик удивился, что даже с такого расстояния может различить каждую букву на обложке. Что-то про королевскую семью. Неужели африканец сейчас читает об этом, о королевской семье? Эта мысль казалась абсурдной.

Африканец перевернул страницу. Его усы, спускавшиеся к подбородку, были совсем как у курьера, с которым старик встретился этой ночью. Это была короткая встреча. Курьер приехал в порт на «вольво», которое, конечно, взял напрокат. Остановился, стекло с гудением опустилось, и он сказал пароль: «*Voice of an Angel*». И у него были совершенно такие же усы. И грустные глаза. Он сразу сказал, что не взял с собой оружия по соображениям безопасности, и предложил поехать с ним в одно место и забрать его. Старик был в замешательстве, но подумал, что если бы его хотели ограбить, то сделали бы это прямо тут, в порту. Он сел в машину, и они поехали — куда б он думал? — в гостиницу «Рэдиссон САС» на Хольбергс-плас. Он увидел Бетти Андресен, но та не смотрела в их сторону.

Курьер пересчитал деньги в конверте, почему-то называя числа по-немецки. Когда старик спросил его об этом, тот сказал, что его родители были из Эльзаса, и старик почему-то рассказал ему, что бывал там, в Зеннхайме. Странная причуда.

После того, что он прочитал о винтовке Мерклина в интернете в Университетской библиотеке, само оружие скорее разочаровало его. Оно походило на обычное охотничье ружье, только побольше. Курьер показал, как разбирать и собирать его, называя старика «герр Урия». Старик положил разобранную винтовку в рюкзак и пошел к лифту. Пока лифт ехал вниз, он размышлял, не попросить ли Бетти Андресен вызвать ему такси. Еще одна причуда.

— Алло!

Старик поднял голову.

— Я думаю, вам надо проверить еще и слух.

Доктор Буер стоял в дверях и пытался весело улыбаться. Он пригласил его в офис. Мешки под глазами у доктора набрякли еще больше.

— Я прокричал ваше имя три раза.

«Я забываю свое имя, — подумал старик. — Забываю все свои имена».

По тому, как доктор подал ему руку, чтобы помочь пройти в кабинет, старик догадался, что новости плохие.

— Да, я получил результаты тех анализов, которые мы брали, — поспешно сказал врач, не успев как следует усесться в кресло, будто желая выложить плохие новости как можно скорее. — К сожалению, она разрослась.

— Ну разумеется, она разрослась, — ответил старик. — Разве это не в природе раковых клеток — разрастаться?

— Хе-хе. В общем-то, да. — Буер смахнул с письменного стола невидимую пылинку.

— Опухоль — как мы, — продолжал старик. — Делает то, что может.

— Да, — ответил доктор Буер, с неестественно-расслабленным видом развалившись в кресле.

— Вы тоже делаете только то, что можете, доктор.

— Да, вы правы, вы правы. — Доктор Буер улыбнулся и надел очки. — Мы по-прежнему предлагаем вам курс лечения. Он, конечно, ослабит вас, но может продлить... э-э...

— Жизнь?

— Да.

— А сколько я протяну без этого курса?

Кадык Буера прыгал вверх-вниз.

— Несколько меньше, чем мы полагали вначале.

— А именно?

— А именно: из печени рак через кровь попал в...

— Хватит, назовите мне время.

Доктор Буер посмотрел на него пустыми глазами.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Во-первых, разрешите мне выразить свою радость по поводу того, что я здесь... (*англ.*)

Бук мол — норвежский «книжный язык», на основе датского (в отличие от лансмола, основанного на диалектах). (*Прим. перев.*)

Имеется в виду стихотворение Н.Грига «Король» (*пер. Ю.Вронского*).

Фюльке — графство, административная единица Норвегии. (*Прим. перев.*)

Здесь: не понял? (англ.)

Профашистская партия в Норвегии в годы Второй мировой войны. *(Прим. перев.)*

«Йоссингами» норвежские фашисты стали называть участников движения Сопротивления после столкновения в Йоссинг-фьорде в январе 1940 г. (*Прим. перев.*)

Не стреляйте, пожалуйста! (*нем.*)

Тотен? Вроде царства мертвых? (*нем.*) «Toten» — начальная часть немецких слов, означающая «мертвец, покойник». (*Прим. перев.*)

Итак, значит, он бежал на ту сторону к русским? (*нем.*)

Да (нем.).

Почему? (нем.)

Я не знаю (*нем.*).

Следователно (*лат.*).

Устроим себе сегодня вечеринку в духе 1999! (*англ.*)

«Сколь!» — самый простой и распространенный в Норвегии тост: «Выпьем!» (*Прим. перев.*)

Долли Партон (р. 1946) — американская актриса и певица в стиле кантри, ставшая в 1980-х эстрадной звездой. (Прим. перев.)

Здесь: широкая двуспальная (*англ.*).

Стортинг — парламент Норвегии. (Прим. перев.)

Карл XIV Юхан (Бернадот) — король Швеции и Норвегии (1814–1844), в правление которого в этих странах был мир и процветание. (*Прим. перев.*)

«Монитор» — норвежский антифашистский журнал.

«Zorn-88» — норвежская нацистская организация; Zorn — ярость, гнев (*нем.*).

Голос ангела (*англ.*).

Веди меня (*англ.*).

Умер (нем.).

ЖИВ (*нем.*).

Пароль! (нем.)

Неверно! Стреляю! *(нем.)*

Голос ангела! *(нем.)*

Двадцать один, двадцать два... (англ.)